

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЯНВАРЬ
2020

№1/108

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АЛЕКСЕЙ-ПТИЦЕЛОВ

НЕИСТОВЫЙ ШЕВАЛЬЕ

БЛУДНЫЙ СЫН, ПРЕКРАСНАЯ ИНДИАНКА И ВЕСЕЛЫЙ АББАТ

ЖЕНА КОРОЛЯ, НЕ КОРОЛЕВА

МАФИЯ ВСЕ-ТАКИ БЕССМЕРТНА

Странная история декана Броди

В 1886 году Роберт Льюис Стивенсон написал свою знаменитую, прославившую его в веках «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда». Что послужило основой этой мрачной фантазии? И неужели у чудовища Хайда был реальный прототип?

в спецвыпуске

ПОД СЕНЬЮ «БРЕЙКЕРСА»

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

из архива автора

Алексей-птицелов

ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПРОЗВАЛИ ТИШАЙШИМ. НО НА САМОМ ДЕЛЕ ОН БЫЛ ОТНЮДЬ НЕ ТИХОНЕЙ, А ЧЕЛОВЕКОМ С БОГАТЕЙШЕЙ ФАНТАЗИЕЙ, ОСТАВИВШЕЙ БОЛЬШОЙ СЛЕД В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

С древнейших времен охота была для знатного человека и спортом, и воинским упражнением и, наконец, приносила добычу для пиршества. Позднее добыча – зверь или птица – утратили материальное значение (дичь к столу поставляли и готовили заранее), осталась охота в чистом виде: по-русски «охота» – это прежде всего увлечение, страсть. А для князей и царей охота стала, воистину, «пуще неволи».

Страстным охотником был второй царь из династии Романовых – Алексей Михайлович. Смолodu он был силен и ловок, говорили, что хаживал и на медведя с ножом и рогатиной. Но потом в его отношении к охоте на зверя наступил резкий перелом. О чудесном событии в жизни Тишайшего сохранилось старинное предание, через двести лет его пересказал в былинном духе известный поэт Л.А. Мей.

Отправился царь Алексей Михайлович в Звенигород, в Саввино-Сторожевский монастырь на богомолье. Русские цари и в паломнических поездках часто делали себе «роздых» – охотились. Вот и на этот раз к приезду царя подготовились: развели и обложили берлогу с матерым медведем. Но в царе-охотнике, как говорится, разыграло ретивое.

*Доложили царю – усмеяется,
А с самим собой думушку думает:
Аль пойти в одиночку померяться,
В молодецкой удаче проверить?
И пошел... За плечами рогатина,
А у пояса нож златокованный...*

Царственный охотник нашел берлогу, вспугнул зверя и насадил его на рогатину. Но рогатина не выдержала, разъяренный медведь подмял охотника. Алексей Михайлович дотянулся до ножа – а там пустые ножны, видно, выронил в лесу. Оставалось последнее оружие – молитва. И вдруг медведь обмяк и повалился на бок. Царь увидел над собою старца в монашеской одежде с топором в руке. Старец тут же исчез, словно не было. Охотник поспешил в монастырь и стал на колени перед иконой основателя обители Саввы Сторожевского.

*Да как глянул на лик преподобного –
Так и пал на чело свое царское:*

Понял – кто был его избавителем.

Так ли, нет ли, только с тех пор Алексей Михайлович уже не охотился на зверя, а тешился только соколиной охотой. В этой поистине царской забаве ценились не добытые трофеи, но красота и выучка ловчих птиц, мастерство сокольников, а зрелище высокого полета словно поднимало ввысь самого охотника. Своеобразным памятником этому царскому увлечению стал целый старинный московский район Сокольники.

Князья московские, а вслед за ними и русские цари, давно облюбовали восточные окраины столицы. В середине XVII века Романовым принадлежали села Покровское, Семёновское, Черкизово, Измайлово. В Покровском и Измайлове

Художник К. Лебедев. «Отдевание соколов: экзамен для обученных для охоты ловчих птиц» (1898 год)

были возведены летние дворцы, их тогда называли «потешными». Но не для потехи в современном понимании слова, а для утешения души и тела. И вот в 1661 году царь Алексей Михайлович повелел построить еще один летний дворец на правом берегу Яузы. Здесь, в треугольнике между реками Яуза и Рыбинка и опушкой Лосино острова, раскинулись царские охотничьи угодья. В Оленьей роще охотились на оленей, в Лосином острове загоняли лосей. А по берегам рек и прудов водилось великое множество птиц. Здесь, наконец, было обширное поле для соколиной охоты – ведь сокол в зарослях беспомощен, а открытые пространства нечасто встречались в нашем лесистом краю.

Только две вотчины на этом пространстве не принадлежали царю: земли по берегам Яузы, подаренные еще Иваном Грозным Алексеевскому девичьему монастырю, и село Возниковское, принадлежавшее князю Дмитрию Пожарскому. Стояло это село как раз там, где сейчас станция метро «Сокольники». Алексей Михайлович откупил монастырские земли, потом прикупил и село Возниковское. Как известно, Романовы не сумели, а вернее – не пожелали отблагодарить князя Пожарского, приведшего их к высшей власти. Спаситель отечества был слишком сильной личностью, его любил народ. В результате князя потихоньку выдавили из столицы, он вынужден был служить воеводой в провинции, теряя влияние и собственность. А уже после его смерти семья Пожарских распродавала остатки имений, как говорится, ради живота своего.

Зачем понадобился царю еще один потешный дворец? Ведь бывали же царские соколиные охоты, да еще какие! Государь выезжал из Кремля в карете, запряженной шестеркой лошадей. Впереди шагали стрельцы и ехали верхами сокольники с соколами, за каретой двигались бояре и другие вельможи, часто и приглашенные иностранцы. Замыкали процессию тоже стрельцы. Шествие растягивалось на версту и достигало места охоты за полдень. Поэтому охотились недолго, ведь надо было еще гостей попотчевать, а там и в обратный путь.

То ли дело в загородном дворце – с утра, помолившись в домово́й церкви и позавтракав, царь выходил в поле, где его ждали сокольники с соколами на рукавицах. Здесь Алексей Михайлович, бывало, охотился и дважды в день, до и после обеда.

Домовая церковь в новом дворце была освящена в честь Спаса Преображения, поэтому и все село, образовавшееся вокруг дворца, получило название Преображенское. (Это уже позднее, при Петре I, село с этим названием перекинулось на другой берег Яузы и стало своеобразным центром реформ молодого царя.)

Неподалеку от нового дворца образовалась Сокольничья слобода – сюда переселились сокольники, а в специально оборудованных «кречетнях» поместили ловчих птиц. С тех пор царь с семьей приезжал в нынешние Сокольники в конце мая и проводил здесь все лето, отъезжая только по необходимости.

Песнь о соколе

Гортанный клекот сокола, разделенный паузами, порой напоминает какую-то таинственную зашифрованную речь. Вот если бы сокол заговорил...

Соколиная охота была известна уже в Древней Индии, через Персию этот обычай попал в Европу и Среднюю Азию. У древних германцев охотничий сокол ценился столь высоко, что за похищение птицы вор мог поплатиться собственным задом, в прямом смысле слова: украденный сокол выклевывал из ягодицы похитителя 6 унций мяса – около 170 граммов!

На Руси охота с ловчими птицами тоже известна с древности. С юга ее заимствовали, вероятно, у хазар, а с севера этот обычай принесли варяги. Уже князь Олег завел в Киеве соколиный двор – «Соколье». Сцены соколиной охоты изображены на фреске Киево-Печерской лавры и на летописных миниатюрах. В первом законодательстве, «Русской правде», кража сокола признавалась серьезным преступлением; при Ярославе Мудром вор платил потерпевшему одну гривну (150-200 г серебра), да еще в пользу князя целых три!

Некоторые исследователи считают, что родовое имя Рюрик означает сокол. Именно сокол был изображен на монетах и печати Рюрика и нескольких поколений Рюриковичей. Причем его часто изображали атакующим, то есть головой вниз. Это изображение со временем схематизировалось, стало напоминать трилистник и превратилось в конце концов в трезубец. Наши украинские соседи провозгласили «тризуб» эмблемой кня-

из архива автора

зя Владимира и приводят около сорока версий происхождения этого символа. Ну, кому сокол, кому вилы...

Кстати, первоначально именно сокол – красивая и умная птица, сильный и гордый воин – красовался на гербах и печатях европейских владык, и только позднее его сменил имперский орел.

На Руси не только знатные, но и простые люди любили сокола, он стал героем сказок, например «Финист – ясный сокол». Красны девицы называли любимого ясным соколом. Образ сокола, наконец, запечатлелся и в иконографии.

Легенда гласит, что однажды царский сокольничий Трифон Патрикеев во время охоты упустил любимого царского сокола. Царь разгневался и пригрозил: если за три дня не найдешь сокола – прощайся с жизнью! Сокольничий вскочил на коня, объездил все леса и поля подмосковные – не сыскал сокола. Уж третий день был на исходе, устал сокольничий и задремал. И привиделся ему святой мученик Трифон, который почитался на Руси как покровитель зверей, птиц и охотников. «Найдешь ты своего сокола на сосне в Мытной роще», – сказал святой и исчез. Сокольничий проснулся и поспешил в указанное место. На сосне в Мытной роще и впрямь сидел царский любимец, он послушно слетел на руку сокольничего. В благодарность Трифон Патрикеев построил церковь в честь своего небесного заступника, и церковь эта до сих пор стоит на Трифоновской улице. А самого святого иконописцы часто изображают с соколом на руке.

Из всего семейства соколиных особенно ценятся крупные виды – кречет, сапсан и балабан; знатоки называют их меж собою «настоящими соколами». Среди мелких соколов чаще всего употреблялись в охоте дербник, кобчик и челлок. В дикой природе сокол охотится так: взмывает высоко в небо – это называется «ставка» – и высматривает добычу, низко летящую птицу или мелкого зверька. Сложив крылья, сокол бросается вниз, почти падает, развивая при этом скорость до трехсот километров в час. С сокрушительной силой он бьет добычу, прижимает к земле и тотчас приступает к трапезе. Так же действует и прирученный, охотничий сокол, с той лишь разницей, что он удерживает добычу, пока не подойдет сокольничий. Человек может отобрать пойманную птицу и отпустить, либо разрешить соколу насытиться ею.

Да, грозен атакующий сокол, но победа его вовсе не предрешена. Всякая птица тоже себе на уме! Она устремляется вниз, жмется к земле, рассчитывая, что сокол замедлит падение из боязни разбиться. В это время жертва попытается дотянуться до леса, юркнуть в заросли, а там сокол ей не страшен. У разных птиц свои приемы и уловки. Например, хитра и изворотлива цапля. Смотришь на нее на болоте – что за неуклюжее создание! А в небе – поди справишься с ней, у нее длинные сильные лапы, крепкий острый клюв. К тому же цапля умеет на лету переворачиваться на спину и в таком положении яростно отбивается лапами и клювом. Потом она снова переворачивается и продолжает полет.

Крупные соколы наносят удар только сверху, их скорость слишком велика, им трудно маневрировать. А вот мелкие соколы могут нанести первый удар сверху, потом как бы поднырнуть под добычу и ударить снизу. Так, царя Алексея Михайловича всегда забавляла «дермлигова переласка», то есть как вьется, суется вокруг жертвы дермлиг (старинное наименование сокола-дербника).

Кстати, первые военные летчики на своих несовершенных аэропланах в точности воспроизводили соколиные методы атаки: пилот круто пикировал сверху на противника. Атакующий пилот, в свою очередь, по-птичьи уходил вниз, прижимался к земле и спасался на бреющем полете. Эти приемы воздушного боя практикуются поныне.

Для человека в древности, когда он еще не поднялся в небо на летательных аппаратах, соколиная охота – это и был настоящий воздушный бой. Нам трудно представить, с каким восторгом и волнением он наблюдал смертельную драму в небе.

Приручить сокола – настоящая наука. Особенно не молодого, «с гнезда», а уже взрослого – «дикомыта». Зато уж именно обученный «дикомыт» показывал настоящий класс. Сначала соколов при-

из архива автора

К.Лебедев. «Обряд посвящения сокольника в начальные сокольничьи» (1898 год). Обряд оканчивался тем, что на голову счастливицу водружали дорогую шапку

учали брать корм с руки, затем садиться на руку сокольника. Учили нападать на чучело, на мертвую птицу. Особенно волновался сокольник-тренер, впервые отправляя подопечного в «ставку»: вернется ли сокол после тренировочного полета обратно на рукавицу сокольника? Только после возвращения сокол считался готовым к настоящей охоте.

На место охоты соколов везли в специальных клубочках, закрывающих глаза, чтобы не встревожить их раньше времени. На поле клубочки снимали, сокольник пересаживал птицу на руку главному охотнику – царю, и тот подбрасывал сокола вверх. Священнодействие начиналось.

Вот еще один соколиный секрет: почти все охотничьи соколы – самки. Да-да, их называли соколами в мужском роде, им давали мужские имена – Мадин, Ширяй, Гамаюн, Беляй, Лихач, Смышляй, Салтан, Булат, – но это все были девы-воительницы, валькирии с мужскими характерами. (Я встретил только одно исключение: сокол Любава.) Дело в том, что у хищных птиц самки всегда крупнее и сильнее самцов. Соколы-самцы тоже участвовали в соколиной охоте, обычно это были кречеты. Самца называли «челиг», прибавляли это определение к названию вида: «челиг кречет», например.

Содержание и обучение соколов, организация соколиной охоты обходились казне в 75 тысяч рублей в год – огромные деньги. На территорию соколиных дворов никто не смел войти без особого разрешения. Неудивительно, что управление всей соколиной охотой царь Алексей Михайлович передал в ведение Тайного приказа.

Это было государство в государстве.

Орден пуха и пера

При Алексее Михайловиче на соколиных дворах содержалось около трех тысяч ловчих птиц, их обслуживали, ими управляли во время охоты свыше сотни сокольников. Трудно представить, но царь знал и тех и других «в лицо» и по именам, помнил как достоинства большинства соколов, так и профессиональные и личные качества людей.

Второй царь из династии Романовых преодолел, наконец, последствия Смуты, восстановил централизацию самодержавного правления и вновь отстроил жесткую вертикаль власти. И вот внутри этой системы возникла закрытая корпорация сольников, своего рода государственного-мистического ордена. В административном смысле он копировал государственное устройство. А мистicism в нем был дохристианский, языческий – с безусловной верой в приметы, заклинаниями и обрядами.

Возглавлял орден сам государь-батюшка, магистр всеведущий. Немногим уступал ему царский ловчий – руководитель всей государственной охоты, включая и соколиную, боярин Афанасий Матюшкин. Ниже стоял сокольничий, глава всей соколиной корпорации, назначаемый лично государем. Должность сокольничего, кроме всего прочего, была и придворным чином; в свите сокольничий

стоял выше стольника. Ему помогал подсокольничий, который, в частности, вел учет и всю канцелярию. Им подчинялись начальные сокольники, ведавшие соколиными дворами и отдельными направлениями работы: ловлей диких соколов, содержанием птиц, обучением и непосредственно охотой в поле. И, наконец, рядовые сокольники, которые и выполняли все эти многотрудные работы. Опытные сокольники имели на попечении по несколько соколов. И только настоящие мастера, посвященные по все тайны искусства, доверяли диких соколов; мастер лично кормил, поил, часто ночевал рядом со своим подопечным и, конечно, неустанно обучал. Царь и рядовых сольников подразделял на три «статии»: отличал тех, кто «добр и соколы у него добры», отмечал тех, кто «будет добр», внимательно присматривался к тем, кто еще не проявил себя.

Должность сокольника была почетной и хорошо оплачиваемой. Они получали от шести до шестидесяти рублей в год, в зависимости от «статейности», и ценные поощрения деньгами, дорогими тканями, земельными наделами. Царь одаривал сольников за хорошо выученного сокола, за «высокие спортивные результаты», как теперь сказали бы. Вот как это бывало: однажды охота не заладилась, соколы мазали, упускали добычу. Царь был мрачнее тучи. Тогда сокольник Семён Ширяев выпустил своего питомца «дикомыта». Алексей Михайлович писал в тот же день Матюшкину: «Так безмерно хорошо полетел, да погнался, да осадил» – сначала шилохвостку, потом утку... Неслучайно «дикомыт» Семёна Ширяева получил имя тренера – Ширяй и стал одним из царских любимцев.

Соколы, как и люди-охотники, бывают страстными, азартными. Вот и Ширяй как-то раз увлекся атакой, не успев выйти из пике и разбился оземь. Царь был безутешен. Поле, на котором погиб сокол, прозвали Ширяево поле. Память об этом событии хранят доныне Большая и Малая Ширяевская улицы возле парка «Сокольники». На Ширяевом поле сейчас тренируются спортсмены «Спартак».

«Врели, горь, сотело?»

Но были и особые поручения, которые царь мог доверить только действительно «своим». Бывало, сокольники отправлялись с посольством в дальние страны – они везли соколов в дар иностранным властям. Русские соколы ценились очень высоко, недаром сокольники так страшились упустить сокола: это было все равно, что сегодня потерять небольшой самолет. Так вот, сокольник Парфен Тоболин повез в Персию шаху Аббасу сокола, а царь его лично инструктировал: как показать подарок в наилучшем виде, «как тешить шах Аббасово величество», а когда сокол прижмет добычу к земле, спросить шаха, «живьем ли отыпать или сокола потешить, дать загрысть».

Бывали задания и вовсе секретные. Однажды царь тайно послал своих сольников в один из монастырей со странным поручением: собрать воду, которой монахи мыли ноги, и доставить ему во дворец.

Оказывается, существовало поверье, что такая вода обладала целебными свойствами. Дело это было сомнительное с религиозной точки зрения, для православного государя тем паче. Кому довериться? Только сокольнику, само собой.

Диковинным был и обряд посвящения рядового сокольника в начальные. Он всегда происходил в присутствии царя, в нем все было таинственно и символично. Реплики действующих лиц были зашифрованы. Шифр немудреный: слоги в словах были переставлены, либо из слов убрали несколько слогов, но постороннему речь сия была непонятна. «Врели, горь, сотело?» – спрашивал подсокольничий. «Сшай дар», – отвечал царь. В переводе это значило: «Время ли, государь, совершать дело?» – «Совершай дар». Охотничья тайная «феня» пришла из глубины веков. В древности имена зверей и птиц были табуированы. Некоторые звери и птицы считались покровителями рода, и поминать их имя все запрещалось, тем более охотиться на них. В других случаях суеверные охотники полагали, что зверь каким-то необъяснимым образом слышит, что на него будет охота. Вот и говорили индоевропейцами: бирюк вместо волка, рыжая вместо лисы. А наш русский медведь и вовсе потерял настоящее имя, закрепилось только охотничье прозвище «мед ведающий». В сущности, и охотничье пожелание «ни пуха ни пера» означает «чтоб тебе не добыть ни зверя, ни птицы». Странно, не правда ли? Но именно так охотники старались не спугнуть удачу, поэтому желали успеха шутивно, шиворот-навыворот. Дальше – больше, секретные слова составили тайный охотничий язык. Его и применяли сокольники в особых случаях.

Обряд посвящения в начальные сокольники оканчивался тем, что на руку счастливицу сажали сокола, а на голову водружали дорогую шапку с клиновидными отворотами и красным верхом. Новый начальник клялся в верности царю и сокольничьему братству.

Но царь не только жаловал, он и строго взыскивал. Не прощал ни отдельных промахов, ни вообще небрежного отношения к делу. Как-то раз Алексей Михайлович узнал, что сокольник Борис Бабин позавидовал одному царскому слуге, «что он по городу служит». Алексей Михайлович возмутился: «Погнушался нашему государю сокольничью чину!» И повелел бить Бориса батогами и вымарать его из списка сольников. Бабин потом три недели за царем «волочился» – вымаливал прощение. Глава ордена простил Бабина лишь отчасти: назначил стремленным к грузинскому царевичу, жившему при московском дворе. В этом назначении чувствуется издевка: не любя тебе соколы, так послужи на конюшне. Мало того, после этого случая Алексей Михайлович обратился ко всем сокольникам с «открытым письмом». С письмом, потому что шла война, и царь находился фактически на передовой, но эта неприятная история не шла из головы. Государь писал «избранным сокольникам»: «Вспомните, кто каков был и каков пришел, и каков ныне стал...»

В другой раз несколько сольников обиделись на то, что им задерживают жалованье, и написали Алексею Михайловичу челобитную. Царь опять-таки разгневался, да как! Сочинил челобитной отсекли руку, некоторых зачинщиков секли кнутом, многих разогнали. Мораль: за такие деньги да за такой почет можно было и потерпеть, не корысти ради служите, но государю!

У всякого ордена есть свой устав. И вот, под руководством царя Алексея Михайловича был разработан «Урядник сокольничьего пути» – устав соколиной охоты. Над ним работал, как говорится, «коллектив авторов», но иногда чувствуется рука магистра. Алексей Михайлович первым начал «чернить» рукописи, то есть исправлять, редактировать. Так ведь он же первым стал собственноручно подписывать указы; до него писцы и дяки усердно копировали царственные факсимиле. Думается, именно Алексею Михайловичу принадлежат поистине поэтические строки в «Уряднике»: «Красносмотрителен и радостен высокова сокола полет».

«Утешайтесь сею доброю потехою, да не одолеют вас кручины и печали всякия».

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

Несколько лет назад я рассказал читателям «Совершенно секретно» о необычной литературной мистификации. Два заключенных ГУЛАГа, Юрий Вейнерт и Яков Харон, придумали французского поэта XVI века Гийома дю Вентре, сочинили ему героическую

из архива автора

биографию, написали за него целый цикл сонетов «Злые песни». Вымышленный поэт и его стихи стали известны среди любителей поэзии, даже некоторые специалисты клюнули на мастерскую выдумку. Но Вейнерт и Харон, в отличие от других мистификаторов, не стремились исключительно к розыгрышу. Их вымышленный герой помогал авторам выживать в нечеловеческих условиях.

Эта мистификация оказалась с двойным дном: у Гийома дю Вентре был реальный прототип – французский поэт и воин Теодор Агриппа д'Обинье.

Во имя веры

Д'Обинье поздно обзавелся семьей. Как многие немолодые отцы, он не умел общаться с детьми. Когда же сын Констан, дочери Мария и Луиза подросли, отец усадил их перед собой и заговорил:

– Я не рассказывал вам сказок, потому что в моем детстве я их тоже не слышал. Настало время поведать вам историю моей жизни. Может быть, вы поймете своего отца и простите его суровый нрав: все слезы я пролил много лет назад, а улыбки раздарил и того раньше...

Я родился в 1552 году в благородной семье Жана и Катарины д'Обинье. Матушка моя ужасно мучилась при родах, бедняжка испустила дух, едва услышав мой первый крик. Поэтому меня называли Агриппой, что значит по-латыни «рожденный в страданиях». Однажды, когда мне было лет шесть, я лежал в своей постели без сна, как вдруг в комнате появилась смертельно бледная женщина, бесшумно откинула полог, поцеловала меня в лоб и тотчас исчезла. Я до сих пор ощущаю ледяной поцелуй на моем челе. Впоследствии множество раз меня охватывало отчаяние при мысли, что я был невольной причиной смерти матери...

Отец нанимал для меня лучших учителей, приглашал их даже из Парижа. В семь лет я уже читал, писал и говорил на четырех языках, перевел с греческого один из диалогов Платона. Да, у меня были задатки ученого, философа, но Бог судил иначе...

Мой отец был убежденный гугенот, один из вождей протестантов. В восемь с половиной лет он взял меня с собой в Париж. С нами ехали около двадцати дворян, разделявших наши убеждения. Проезжая город Амбуаз в ярмарочный день, мы увидели страшное зрелище: на площади возвышался залитый кровью помост, на котором были выставлены головы только что казненных дворян-гугенотов; тела их товарищей простого звания болтались на виселице. Их каз-

Неистовый

ИСТОРИЯ ПОЭТА И ВОИНА АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ

из архива автора

Во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года в Париже католики убили несколько тысяч гугенотов

нили по ложному обвинению в заговоре против короля. Мой отец воскликнул: «Палачи! Они обезглавили Францию!» Потом он возложил руку на мою голову и сказал: «Дитя мое, когда упадет и моя голова, не дорожи своею, чтобы отплатить за этих достойных вождей нашей партии. Если ты будешь щадить себя, да падет на тебя мое проклятие!» При этих словах нас начали окружать горожане-паписты, возмущенные такими речами. Но мы дали шпоры коням и прорвались сквозь толпу фанатиков.

В Париже я учился у мудрейшего Матье Бероальда и жил в его доме на полном пансионе. Но в апреле 1562 года гугеноты под командованием принца Конде штурмом взяли Орлеан, и началась настоящая война. По королевскому эдикту гугенотов преследовали и изгоняли из Парижа. На самом же деле их грабили, убивали и даже сжигали. Мой учитель Бероальд велел нам взять с собой самое необходимое и готовиться к бегству. Я в последний раз бросил взор на его прекрасную библиотеку, и слезы невольно брызнули из очей. Заметив это, Бероальд сказал: «Гордитесь, юноша: в вашем юном возрасте вам выпала честь потерять кое-что ради того, кто все это вам даровал!»

Поздно ночью наш маленький отряд – Бероальд, его жена, их сын, я и двое слуг – тайно выбрались из Парижа. Мы направились в Орлеан, минуя города. Но отряды католиков подстерегали спасающихся бегством гугенотов на всех дорогах. Мы нарвались на отряд легкой конницы под командованием шевалье д'Ашона, уже прославившегося грабежами и насильями. Нас допрашивал инквизитор, меня отдельно от остальных; его взбесили мои твердые и простодушные ответы. Взглянуть на меня пожелал и командир сотни. «Вы все осуждены на сожжение, – сказал мне д'Ашон. – Но ты еще можешь спастись, если отречешься от ереси». Я ответил: «Католическая месса для меня страшнее костра».

В ночь перед казнью мы молились, как вдруг дверь тихо отворилась и вошел стороживший нас дворянин. Он поцеловал меня в щеку и прошептал: «Я слышал твои слова, и могу сказать, подобно Христу: вера твоя спасла тебя. Я либо погибну, либо выведу вас отсюда, ради этого отрока!» Бероальд обещал офицеру, что его с честью примут в Орлеане, а мой отец возьмет его на службу. В полночь офицер вернулся с двумя единомышленниками и провел нас мимо стражи.

Много опасностей подстерегало нас в пути, однажды мы попали под огонь аркебуз, но Бог нас хранил, и мы достигли Орлеана. Мой отец, один из командующих обороной, устроил нас в хорошем доме, хотя весь город был наводнен беженцами.

И тут разразилась чума. За полгода умерли тридцать тысяч человек. Я тоже слег и метался в бреду, затем заразились еще четверо в нашем доме, в том числе кроткая госпожа Бероальд. Вскоре заболел даже лекарь, пользовавший нас. Только в ноябре 1562 года чума отступила.

В это время солдаты моего отца захватили в плен шевалье д'Ашона, нашего мучителя. Солдаты позвали меня посмотреть на пленника. Они подстрекали меня к ругательствам и издевкам, но я сказал только: «Вы бесчеловечны, сударь!» Оскорбляя поверженного, я бы уподобился этому грабителю и насильнику.

В боях за Орлеан мой отец не раз ходил в рукопашную, и в одном бою получил удар копьем под кирасу. Едва оправившись от раны, он принял участие в мирных переговорах с католиками, и даже был назначен докладчиком по делам гугенотов в королевском совете. Но силы оставляли его. Отец позвал меня и сказал: «Помнишь ли мои слова, произнесенные перед плахой в Амбуазе? Люби Бога, науки и своих товарищей», – и поцеловал меня, чего никогда не было прежде. Он уехал, но в пути рана его открылась, нагноилась, и отец скончался –

как раз в этом треклятом Амбуазе.

Три года я учился в Орлеане, затем мой родственник, назначенный опекуном, отправил меня продолжать образование в Женеву. Там я учился в коллеже еще два года, читал труды раввинов на древнееврейском, легко слагал латинские стихи. Но, в конце концов...

Д'Обинье запнулся. Он решил умолчать о том, как бежал из коллежа. Учеба ему уже приелась, кроме того, в коллеже процветал разврат. Впоследствии д'Обинье слышал, что одного юношу из женевского коллежа, Бартоломе Тессья, казнили за содомский грех – утопили в Роне. Не стал он говорить и о том, как в Лионе бес противоречия толкнул его от богословия к изучению астрологии и магии. Измученный сомнениями, без родных, друзей и без гроша в кармане он оказался на мосту через Сону и был уже готов броситься вниз, но решил напоследок прочитать молитву. И когда произнес последние слова «жизнь вечная», его окликнул всадник. Это был его кузен де Шийо, прибывший с деньгами и прощением от опекуна. С тех пор д'Обинье окончательно уверовал в Провидение.

– Ну, что же было дальше? – спросил Констан с нетерпением.

– Война, мои милые, снова война между католиками и протестантами, – продолжал свой рассказ д'Обинье. – Я жил в доме опекуна в Сентонже как настоящий затворник: опекун даже уносил на ночь мою одежду из спальни, чтобы я не убежал сражаться! Однажды неподалеку остановились на привал аркебузиры под командованием капитана Сен-Ло. Вечером я видел, как они тушат костры, слышал, как седлают лошадей. Я связал простыни и спустился из окна в одной ночной рубашке, перелез через две стены, в полной темноте чуть не свалился в колодец, но все-таки догнал отряд. Капитан и солдаты с изумлением смотрели на меня: в белом балахоне с израненными в кровь ногами я, должно быть, походил на святого мученика. Господин Сен-Ло хотел сначала отправить меня обратно к опекуну, но потом усмехнулся: «Ладно, пусть это привидение пугает папистов!» – и посадил меня на лошадь у себя за спиной.

Буквально в одном лье от Сентонжа мы увидели роту папистов, и наш отряд сходу атаковал врага. В этом бою я добыл себе аркебузу и боеприпасы, но побрезговал взять хоть что-нибудь из одежды. Только когда наш отряд присоединился к армии принца Конде, мне выдали обмундирование, и я стал полноправным солдатом.

Зимний поход был очень тяжелым, мы вязли в грязи, мерзли в болотах, никогда не ели досыта и всегда недосыпали. А стычки, сражения и штурмы были столь ожесточенными, что я не раз вспоминал Псалом царя Давида: «Неукротимый человек укрощен будет страданиями...» Мою храбрость заметил сам принц Конде и послал ко мне своего придворного с предложением служить в свите. Я посчитал такое предложение оскорбительным в самый разгар войны, да и посланец держал себя так заносчиво, что я ответил: «Занимайтесь лучше своим делом – содержанием псов и лошадей принца!»

Шевалье

Вскоре погиб славный принц Конде, нашу армию возглавил адмирал Гаспар де Колиньи. В сражениях участвовал и Генрих Наваррский, будущий король Франции. Именно тогда мне впервые поручили командование отрядом из двадцати аркебузирова. С этими молодцами в бою при Жонзаке мне удалось опрокинуть две роты итальянцев-наемников. В дальнейшем я командовал первой ротой конных аркебузирова, и не раз выручал весь наш полк.

После взятия города Понса вновь был заключен мир. Но незалеченные раны и жесточайшие приступы лихорадки свалили меня. Я был оставлен на излечение в замке Тальси. Здесь меня настигла, как гроза, первая любовь. У хозяйина замка шевалье Сальвиати была красавица-дочь Диана. Я вынужден был таить свое чувство – для вельможного рода Сальвиати я, простой дворянин, был все равно что мужлан, пахнущий лошадиным потом и дымом бивуачных костров. Но, главное, мы были разных вероисповеданий. И так, уста мои были немые, но сердце не могло молчать, и я сочинил цикл сонетов «Жертвоприношение Диане». Оказалось, что Диана – племянница Кассандры Сальвиати, которую воспел в своих сонетах наш кумир – поэт Ронсар. В книге «Любовь к Кассандре» король поэтов, глава Плеяды, писал:

*Любя, клян, дерзая, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою моею.*

Ронсар упивался своей любовной мукой, но находил в ней удовольствие. Моя боль неразделенной любви была сродни кровоточащей ране. Вот что я чувствовал тогда:

*Врагами окружен со всех сторон,
Я зоры закалил пролитой кровью;
Держу пицаль поближе к изголовью
И мига жду внезапных оборон...
Прости же мне, богиня, что любовный
Мой стих, неловкий часто и неровный,
Пороховым окурив весь огнем...*

Да, сам Ронсар хвалил мои сонеты, хотя ему непривычно было слышать в них не журчание ручейка, а скорее звон оружия...

Я уехал из Тальси в Париж, надеясь на быстрое возвышение, которое уравнило бы меня в знатности с родом Сальвиати...

Кровавая свадьба

– Королевский двор, весь Париж готовились к свадебным торжествам, – рассказывал д'Обинье. – Молодой король Наварры Генрих Бурбон женился на принцессе Маргарите Валуа, которую

уже тогда многие называли «королева Марго». Правивший король Карл IX и королева-мать Екатерина Медичи заявляли, что брак короля-протестанта с принцессой-католичкой примирит враждующих. Был оглашен королевский ордонанс, запрещающий в дни торжеств любые стычки по религиозным причинам. Но я не верил в добрые намерения католиков, чувствовал, что мы в Париже как в западне.

Свадьба состоялась, однако... Я видел змеинные ухмылки семейства Гизов – предводителей фанатиков-папистов. На улицах и даже в самом дворце нас, гугенотов, оскорбляли, намеренно втягивали в драку. Однажды на улице я не стерпел и вызвал обидчика на дуэль. Едва мы обнажили шпаги, как появилась стража. Обороняясь, я ранил сержанта, и мне пришлось бежать из Парижа. Бог снова спас меня.

Это было в канун дня святого Варфоломея. В полночь грянул колокол, и вооруженные католики набросились на беззащитных гугенотов. Их убивали на улицах, в их домах, в самом дворце. Трупы сбрасывали в Сену, и вскоре река стала кровавой. Был убит наш полководец адмирал де Колиньи. Генрих Наваррский уцелел только благодаря заступничеству молодой жены.

Такая же резня началась и вокруг Парижа – города Тур, Амбуаз, Божанси, Блуа, Орлеан были разграблены, две тысячи гугенотов убиты. Мне удалось собрать отряд из восьмидесяти человек, мы двинулись к Парижу без определенного плана. А навстречу нам шли опытные кровью убийцы. В бою мы брались за руки, чтобы каждый видел доблесть или трусость товарища. Так мы выступили против шестисот папистов и спасли город Мер от уничтожения.

Впечатления этих дней, рассказы уцелевших очевидцев уже тогда складывались в стихи, но я их не записывал, носил в сердце и в памяти.

*Нет, это не война.
Там грудь броней прикрыта,
Там сталь поверх одежд –*

*надежная защита,
Здесь отбиваются лишь криком*

да рукой,

Один вооружен, но обнажен другой...

В темницах, во дворцах,

в особняках вельмож,

Везде идет резня, гуляет меч и нож...

Когда я пробрался в Париж, рассказы кровавого пиршества еще сотрясали душу – трупы не убраны, кровь не смыта. Даже Сена еще не унесла своих мертвецов – они скопились под опорами мостов. Я видел два тела, сплетенных в смертельном объятии.

*Обмотана коса вокруг скобы в устье
Злосчастного моста.*

И странной красотой

Застывший бледный труп

мерцает под водой...

Она ждала к себе возлюбленное тело,

К супружеской груди она

прильнуть хотела...

И вот он сброшен вниз,

где мертвая супруга,

Качаясь на волнах,

ждала на помощь друга...

А королева-мать со всей своей оравой

Отправилась глядеть

плоды резни кровавой.

– Я направился в Ла-Рошель, – продолжал д'Обинье, – это был главный оплот протестантских сил. Около одной деревенской гостиницы меня узнал офицер-католик. Он направил на меня своего арабского скакуна и сбил с ног, но я вскочил и нанес удар шпагой под кирасу. Мой противник упал с коня, мы продолжили драться на земле, я победил, но получил две глубокие раны. Приглашенный лекарь нашел их опасными. Несмотря на его запрет, я приказал отнести себя в замок Тальси, чтобы умереть у ног любимой. Но... моя горячность не растопила холодность Дианы, а ее родные решительно отказали мне даже в надежде... На прощанье я получил от любимой прядь ее чудесных темных волос. Я приказал сплести из них браслет и всегда носил его на правой руке.

– Почему именно на правой? – спросила Мария.

– Потому что в правой руке я держал шпагу. Моя шпага всегда охраняла этот дорогой для меня амулет.

В клетке Павлина

– В это время Генрих Наваррский был в Лувре пленником или, точнее, заложником, – рассказывал д'Обинье. – Ему посоветовали привлечь меня в свиту. «Я слышан о его славном отце, а каков сын?» – спросил Генрих. «Это человек, который ничего не боится», – сказали ему. Так я получил придворную должность оруженосца. Мы с Генрихом были сверстниками, и некоторое время нас связывала настоящая дружба. От Генриха Наваррского добились возвращения в католическую веру, но это была вынужденная уступка. Генрих часто давал мне секретные и опасные поручения, фактически я был связным между ним и гугенотами страны. Королева-мать содержала до тридцати шпионов и кое-что знала о моей тайной миссии; однажды, встретив меня во дворце, она прошипела: «Вы похожи на своего отца!» Я ответил с учтивым поклоном: «И слава богу, если это так!»

Меня не любили при дворе. Я был слишком прямодушен, тверд в своих убеждениях и не скупился на резкие оценки. Однажды три фрейлины королевны – им вместе было лет полтора – стали посмеиваться надо мной, намекая, что таким простотам не место в Лувре. «Что это вы здесь созерцаете?» – прогнусавила одна из них. Я так же гнусаво ей ответил: «Древности двора, сударыня!..»

...Тут девочки засмеялись и захопыхали в ладоши. Отец шутиливо погрозил им пальцем:

– Смотрите, никогда так не говорите дамам в возрасте! – и продолжал: – Такую, как я, трудно ужиться при дворе. Царедворцу надобно иметь гибкую спину, уметь угождать господину, любить красоваться. Я в те поры набросал такой сонет о придворной жизни:

*Едва Павлин свое распустил оперенье,
Сверкающим хвостом любуйся,
птичий двор!*

Придворный Кавалер, ферт, щеголь

и позер,

От самого себя в великом восхищенье.

А за душой пустяк!

Дойдет ли до сраженья,

Где храбрость их, где пыл,

где ратный их задор?

*От первого ж врага сбегут во весь опор,
Не ведая стыда, забывши униженья.*

Конечно, и у меня бывали тогда увлечения и приключения, то забавные, то опасные. Но я лишь прикидывался «своим». Я тайно готовил побег Генриха Наваррского. Кроме меня в заговоре участвовали еще двое дворян. Мы поклялись никогда и никому не открывать обстоятельств побега, и я верен данному слову поныне. Всем известно лишь одно: пятого февраля 1576 года нам удалось вывезти Генриха Наваррского из Парижа.

Вскоре к Генриху присоединилась королева Марго, затем его свита, и образовался «кочевой двор», впоследствии он обосновался в замке Нерак на берегу Гаронны. Здесь установились такие же нравы и правила, какие царили в Лувре. Я, как оруженосец, всегда сопровождал своего государя, увя, частенько и в его любовных похождениях. Однажды ночью на нас напала шайка каких-то бродяг, и я один, со шпагой и кинжалом, спас короля. Но я осуждал Генриха и заявлял, что не желаю прослужить его сводником. Кроме того, я был против любых переговоров с католическими попами. Моя прямота и сплетни придворных интриганов отдалили нас друг от друга.

До поры я все прощал Генриху Наваррскому, потому что он вернулся в нашу веру, был нашим гугенотским королем. Полки протестантов вновь развернули знамена, и я все чаще оставлял двор, чтобы участвовать в важнейших битвах. Я всегда шел впереди моих солдат, показывая всем свое презрение к смерти. В бою при Марманде я был тяжело ранен; врачи считали, что дни мои сочтены. Ко мне пришел местный судья, чтобы составить завещание. «Запаситесь чернилами и пишущими», – сказал я ему. И начал диктовать главы «Трагических поэм»:

Лик скорбной Франции изобразить

мне надо:

В объятьях матери свирепо бьются

чада...

Король Франции Генрих IV Бурбон и две его жены (на первом плане): первая – Маргарита Французская Валуа (королева Марго) и вторая – Мария Медичи

► Но Господь и на этот раз пощадил меня. Я вернулся ко двору Генриха Наваррского, как с того света, и был принят холодно, как покойник. В конце концов я стал просить об отставке. В письме королю я напомнил, «что рука, которая вам это пишет, открыла засовы вашей тюрьмы и, служа вам, осталась свободной от благодетелей...»

В тот же день я увидел старую бродячую собаку и узнал недавнюю любимицу короля, она часто лежала у наших ног. Теперь ее выгнали вон, и она подыхала от голода. Я велел ее накормить, вымыть и расчесать, а назавтра подвести ее к королю. К ошейнику я привязал наскоро сочиненный сонет. Генрих с удивлением развернул послание и, конечно, узнал мою руку.

*Сир! Этот верный пес,
который с вами встарь
В покоех ваших спал,
на королевском ложе,
Спит нынче на камнях.
Однако кто мог строже
Чутьем распознавать, где друг
и где бунтарь?
...Придворные! Зачем вы гоните сурово
Пса изнемогшего без пищи и без крова?
Такая благодарность*

ждет за службу вас.

Мне говорили, что, прочитав эти стихи, Генрих изменился в лице. Он сказал, что все еще считает меня своим верным подданным, что он прикажет вернуть меня... Но я был уже далеко. Я намеревался продать свое имущество и снова взяться за оружие.

Честь и благородство

Проезжая город Сен-Желе, я увидел в окне девушку, чья красота поразила меня. Это была Сюзанна де Лезе, моя будущая жена и ваша мать, дети. Мы так любили друг друга, и наши сердца зачастую обходились без слов. Когда мне случалось вспомнить Диану Сальвиати, Сюзанна тотчас догадывалась об этом и страдала. Я даже написал об этом сонет:

*Сюзанна слышала: вздыхал я по Диане,
И вдруг заплакала, но тщетно:*

рядом с ней

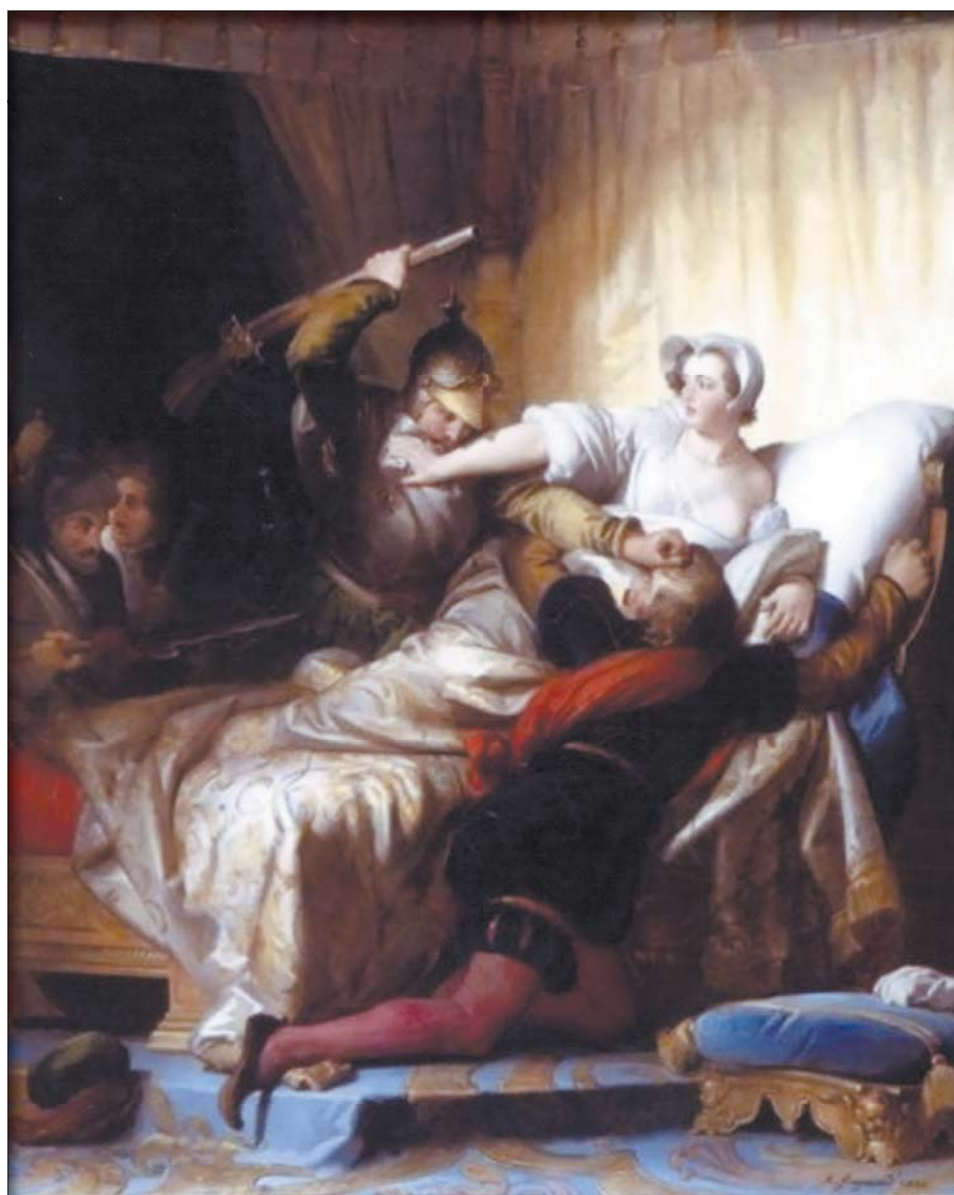
Мои стенания звучали все сильней...

Немного времени мы проводили вместе. Мой долг звал меня то на войну, то к моему королю. Я командовал бригадой конницы, моих всадников прозвали «албанцами» — они почти не покидали седел, а в бою были настоящими дьяволами.

В 1580 году Генрих Наваррский снова призвал меня к себе и встретил почти по-родственному. Вскоре я снова спас его. Один дворянин, испанский офицер-наемник Лоро попросил аудиенции у короля. Я как раз находился в его покоях. Лоро сказал, что хочет вручить королю некое важное послание, но вместо письма вдруг выхватил кинжал. Я мгновенно встал между ним и королем, перехватил руку убийцы и скрутил его.

Когда я вернулся ко двору, королева Марго была со мной подозрительно ласкова. Вероятно, она в это время приискивала нового фаворита. Я не только не поддался на ее чары, но и не скрывал своего отношения к ее легкомыслию. С тех пор Марго постоянно чинила мне козни, наговаривала на меня королю и наконец на коленях умоляла удалить меня от двора. И Генрих уступил — о, что с нами делают женщины! Правда, мне он шепнул, что делает это для виду.

А я с легким сердцем снова отправился воевать. Причем, на этот раз я сражался не только на суше, но и на море — захватил остров Олерон, прикрывающий с моря подходы к Ла-Рошели. Меня назначили губернатором Олерона, но недолго я там правил. Мне пришлось отправить свой отряд на подмогу нашим в Сенту а в это время католики под командованием шевалье Сен-Люка высадились на Олерон. Я оказался в плену, Сен-Люк лично отвез меня в тюрьму города Бруажа. Этот благородный дворянин относился ко мне с глубоким уважением. Я обратился к нему с просьбой отпустить меня на несколько дней в Ла-Рошель; я поклялся, что вернусь в тюрьму в воскресенье к пяти часам вечера. Моего слова Сен-Люку было довольно, и меня отпустили. И вот в воскресенье утром в Ла-Рошель прибыл нарочный от Сен-Люка с известием: из Парижа прибыл отряд королев-

По преданию во время резни гугенотов королева Марго спасла Генриха Наваррского в своей спальне

ских войск с приказом доставить меня к королю, дабы предать смерти. Что было делать?

— Не возвращаться в тюрьму! — воскликнул Констан.

— И нарушить слово чести? И подвести под суд благородного Сен-Люка? — д'Обинье покачал головой. — Нет, я не мог так поступить. Друзья в Ла-Рошели буквально повисли на мне, но я вырвался и вернулся в тюрьму.

Вы были тогда совсем еще крошками и наверняка остались бы сиротами, но милосердный Бог сотворил чудо: как раз в это время наши войска захватили королевского наместника, состоялся обмен пленниками, и я вернулся к своим.

Этот случай заставил меня о многом задуматься. Такие люди, как Сен-Люк, тоже идут на смерть за веру! А если я и мои единоверцы заблуждаемся? Я обложился книгами и шесть месяцев изучал спорные вопросы, расхождения между католиками и кальвинистами, аргументы богословов с той и с другой стороны. Шесть месяцев я не поднимал головы от книг — и только утвердился в своей вере. С тех пор не было в нашей партии более опытного и знающего полемиста, чем я.

Исполненный долг

— Как же Генрих Наваррский стал королем Франции? — спросила Луиза.

— А вот как, слушайте. Первого августа 1589 года фанатик-католик смертельно ранил последнего короля из династии Валуа. Умиравший призвал к себе Генриха Наваррского, чтобы признать его наследником престола, первым королем из династии Бурбонов. В эту опасную поездку Генрих Наваррский взял меня с собой. Отправляясь во дворец, мы, наученные горьким опытом, надели под камзолы кольчуги и панцири. Начались переговоры о признании нового короля, католики требовали от Генриха отречения и покаяния. Генрих Наваррский заперал меня в одной из комнат дворца, чтобы я своим упрямством не мешал ему.

Католическая знать объединилась в Католическую лигу, не признававшую нового короля Генриха IV и наших прав на свободу вероисповедания. В руках лиги оказался Париж и многие города. Война вспыхнула с новой силой. Надо сказать,

Генрих IV сражался храбро и часто сам водил войска в атаку. В битве при Иври он укрепил белый султан на шлеме, чтобы все его видели издали. Когда же его солдаты начали отступать, он закричал: «Если вы не хотите сражаться, посмотрите хотя бы, как я буду умирать!» Приспешенные этими словами, отступавшие бросились на врага и победили.

Однако Генрих все чаще задумывался об окончательном переходе в католичество. Многие вельможи подбивали его на этот шаг. Большое влияние на короля оказывала его любовница Габриэль д'Эстре, убежденная католичка. Наконец, Генрих принял роковое решение и отрекся от своей веры. «Париж стоит мессы», — сказал он. И после этого был признан всеми как полноправный монарх.

Я считал своим долгом остановить Генриха. В те дни я носил траур по моей дорогой супруге и вашей матери. В таком душевном смятении я встретился с королем. Он начал говорить о своих былых заслугах и перенесенных лишениях. Он показал мне шрам на губе — след от недавнего покушения. Я сказал: «Государь, пока вы отреклись от Бога только губами, и он поразил ваши уста, но когда вы отречетесь от него в сердце своем, он пронзит вам и сердце!»

Мои слова остались втуне. Но не зря мне приписывают пророческий дар: вот увидите, король Генрих IV погибнет, пораженный в грудь!

Я участвовал во многих собраниях гугенотов, и к моему голосу всегда прислушивались. Меня стали называть «советью партии», единоверцы поручили мне совместно с католиками работать над законом о веротерпимости. Он рождался в муках и ожесточенных спорах. Я не скрывал, что хотел добиться для гугенотов «государства в государстве». Это мое крылатое выражение затем часто употребляли, как друзья, так и враги. В конце концов в 1598 году был принят Нантский эдикт, гарантировавший гугенотам свободу вероисповедания и безопасность, хотя и временно и со многими ограничениями. Но это был первый закон о религиозной терпимости.

После этого я счел свой долг солдата и христианина исполненным и удалился сюда, в Майезе, чтобы посвятить себя воспитанию детей и написанию книг...

...Д'Обинье расцеловал детей и велел няньке уложить их спать. А сам поднялся в свой кабинет, взял чистый лист и написал вверху заглавие: «Жизнь, рассказанная его детям».

На покое

Он недолго вел спокойную жизнь писателя и отца семейства. Участвовал в религиозных съездах и диспутах, бывал при дворе и давал советы королю, защищал города и крепости гугенотов.

В 1610 году сбылось пророчество д'Обинье: король Генрих IV был заколот кинжалом. В это время д'Обинье лежал больной в постели, ему сообщили, что король смертельно ранен в горло. Д'Обинье возразил: «Не в горло, а в сердце». И действительно, убийца нанес смертельный удар в грудь.

Стареющий отец выдал замуж обеих дочерей и был согрет их семейным счастьем. Но вот сын Констан причинял ему много страданий — раб низменных страстей, он был готов ради честолюбия, денег и удовольствий предать и отца, и веру.

В 1616 году увидели свет «Трагические поэмы» Агриппы д'Обинье. Уже в следующем году он начал писать сатирический роман о придворной жизни «Приключения барона де Фенеста». В 1618 году появился первый том «Всеобщей истории», в которой д'Обинье подробно описал жестокое противостояние католической и протестантской церквей.

Непримиримость д'Обинье, бескомпромиссность его книг привели к тому, что высокопоставленные недоброжелатели лишили д'Обинье королевской пенсии. А в 1620 году его «Всемирная история» была сожжена на Гревской площади Парижа. Впоследствии и молодой король Людовик XIII опасался старого упряма. И не напрасно: д'Обинье принял участие в заговоре против королевского фаворита де Люиня. Старому бунтарю пришлось бежать в Женеву.

Там его встретили триумфально как героя протестантского сопротивления. Здесь он издал все свои прежние произведения, написал и публиковал новые. В начале 1620-х годов он продолжил писать «Жизнь, рассказанную его детям» и окончил рукопись перед самой смертью.

Гугеноты во Франции не без оснований опасались за свою безопасность, часто звали д'Обинье командовать их отрядами. Но он уже отказывался воевать, зато был непревзойденным организатором обороны, строителем укреплений. В 1622 году он так укрепил Ла-Рошель, что впоследствии вся французская армия не могла ее взять.

Во время нескончаемых войн д'Обинье часто вел переговоры и приобрел немалый дипломатический опыт. Поэтому гугенотские общины поручили ему организовать общеевропейскую коалицию протестантов. Этот проект так напугал Париж, что д'Обинье снова обвинили в заговоре против Франции. Друзья из Парижа предупреждали, что отдан секретный приказ об его устранении. У д'Обинье были основания опасаться посыланных убийц.

В 1623 году д'Обинье еще раз женился — на вдове Ренате Бурламаки из уважаемой семьи итальянских negociantov. Перед свадьбой он, однако, решил честно рассказать невесте о своей репутации, об опасностях, которые его подстерегают. Рената выслушала его и ответила: «Я счастлива, сударь, участвовать с вами в борьбе за Бога и веру; что соединил Бог, не разъединит человек».

Вскоре семнадцатый век окончательно вступил в свои права: уже прибыли в Париж герои нового времени — д'Артаньян и Сирано де Бержерак. Эпоха д'Обинье завершилась. И он умер девятого мая 1630 года на Ратушной улице Женевы, в доме, где прожил последние годы с женой Ренатой. На этом доме установлена мемориальная доска. Именем д'Обинье названа одна из улиц Парижа.

Он не готовил себе эпитафии, но, пожалуй, строки из вступления к «Трагическим поэмам» могли бы ее заменить:

*Пускай угаснут мой черед,
Но ты живи, мое создание,
Когда родитель твой умрет.*

Блудный сын, прекрасная индианка и веселый аббат

ИЗ АРХИВА АВТОРА

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

Если кто-нибудь ненароком спрашивал старика д'Обинье о его сыне Констане, отец сокрушенно вздыхал и говорил:

– Бог не хочет, чтобы его милость переходила по наследству! – и на глазах старика всякий раз наворачивались слезы.

Констан был красив, умен и талантлив. Но порочные наклонности и тяжелый характер сделали его сущим наказанием для семьи. С ранних лет отец нанимал ему лучших учителей и наставников, даже переманивал педагогов из первых домов Франции, но все не шло Констану впрок. Когда отец отправил сына учиться в коллеж, тот и вовсе забросил учебу, зато познакомился с бутылкой и азартными играми. Отец решил послать Констана за границу, наивно полагая, что в Голландии местные протестанты наставят его на путь истинный. Куда там! В Амстердаме юноша продолжил свое образование преимущественно в борделях. Вскоре Констан вернулся домой, обремененный долгами, но не раскаянием.

В Ла-Рошели он сошелся с молодой вдовой Анной Моршан, она была хороша собой и довольно состоятельна. Дело шло к свадьбе. Услышал об этом союзе, д'Обинье-отец воскликнул:

– Несчастливая женщина! Она идет на встречу гибели!

Пророческий дар старика был всем известен; он в свое время предсказал обстоятельства гибели короля Генриха IV.

В общем, отец не благословил этот брак. Но Констан все равно женился, хотя этим шагом сам себя лишил наследства. Однако деньги вдовушки буквально жгли руки, и молодожен пустился во все тяжкие.

Непомерное честолюбие влекло Констана в Париж, ко двору. Он словно соперничал со своим отцом, который в молодости был ближайшим сподвижником покойного Генриха IV. Констан посвятил молодому королю Людовику XIII несколько скороспелых сочинений и был ласково принят в Версале. В свиту, конечно, не попал, но был вхож во дворец и считался своим в кругу придворной мо-

лодежи. Пуская пыль в глаза, Констан сорил деньгами и за короткое время проиграл в двадцать раз больше, чем имел.

Людовик XIII и королева-мать Мария Медичи прекрасно видели, что за птица Констан д'Обинье, но неспроста привечали его. Приручая птенца, они метили в стареющего орла-гугенота, еще представлявшего опасность для монарха-католика. Духовник короля иезуит Жан Арну склонял Констана к отречению от веры отца, и в 1619 году д'Обинье-младший принял католическое крещение.

Отец еще надеялся, что сына можно спасти. На свои деньги он сформировал полк и предложил Констану командование. Но тот отказался. Тогда отец назначил сына своим наместником в городе Майеже, которым управлял и как сеньор, и как губернатор, а сам удалился в другое свое владение – крепость Доньон.

Вскоре верные люди донесли отцу, что Майеже превращен в вертеп: повсюду идет крупная игра, открылись бордели, а в самом замке чеканят фальшивые монеты. При этом Констан в письмах версальским покровителям похвалялся, что все солдаты гарнизона стоят за него горой и в случае необходимости выступят против его отца.

Д'Обинье-старший отправился в Майеже один, без оружия, только с кинжалом на поясе. Неожиданное появление настоящего господина привело в смятение изменников, порядок был восстановлен, а Констан ударился в бег.

Тем временем состояние вдовы Моршан было им промотано, и сын начал открытую войну против отца. Набрав отряд из разного сброда, он совершал набеги на отцовские владения. Д'Обинье-старший вынужден был продать Доньон, а вотчину Майеже ему помогали защищать зятья.

Сын против отца

Вскоре сбылось мрачное пророчество старика д'Обинье. Несчастливая Жанна Моршан, обобранная мужем до нитки, терпевшая от него постоянные унижения, была им фактически брошена. Она сошлась с молодым человеком, сыном местного адвоката, его звали Лавек де

В ПРЕДЫДУЩЕМ МАТЕРИАЛЕ Я РАССКАЗАЛ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПОЭТА И ВОИНА АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ. КИПУЧАЯ КРОВЬ НЕИСТОВОГО ГУГЕНОТА ПЕРЕДАЛАСЬ ПО НАСЛЕДСТВУ. ЕГО СЫН КОНСТАН Д'ОБИНЬЕ БЫЛ ЯРКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ, НО, УВЫ, НЕГОДЯЕМ. ОДНАКО РОДОВЫЕ ЧЕРТЫ ЧАСТО ПРОЯВЛЯЮТСЯ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЕ. ВНУЧКА Д'ОБИНЬЕ СТАЛА ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ И ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЖЕНЩИН СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Лалес. И вот однажды Констан д'Обинье неожиданно вернулся в свой дом и застал жену с молодым любовником. Он пришел в такую ярость, что нанес Лалесу тридцать ударов кинжалом. Затем приказал жене:

– На колени, шлюха! Молись!

Не успела несчастная окончить молитву и произнести «аминь!», как муж перерезал ей горло.

Суд оправдал Констана, поскольку факт супружеской измены не вызывал сомнений, а по закону убийство при таких обстоятельствах не считалось преступлением. Так, семейная ссора.

Оставшись без денег, без имущества, Констан, поразмыслив, отправился к отцу и разыграл возвращение блудного сына. Старик д'Обинье сказал:

– Я прошу тебя с радостью, но сначала ты должен примириться с Отцом Небесным.

Констан был взбешен. Католическая вера была для него заветным пропуском в Версаль. Он предпочел снова сколотить шайку негодяев и повел их на отцовский замок Доньон. Констан не знал, что замок уже принадлежит новому хозяину – герцогу де Роану, губернатору провинции. Герцог не стал церемониться и всех упрятал за решетку. Констан полгода просидел в тюрьме Ла-Рошель.

Выйдя на свободу, он снова перевоплотился в раскаявшегося блудного сына и поехал к отцу. Тот уже перебрался в Женеву – оплот европейского протестантизма. Там и состоялось примирение отца и сына. Констан покаялся перед собранием пасторов и даже написал яростные стихи против католиков. Д'Обинье-отец выделил ему часть наследства в деньгах и имуществе.

Теперь Констан решил стать святым Лютера и Кальвина вместе взятых. Он захотел ни много ни мало представлять французских протестантов за границей и просить у англичан помощи для гугенотов непокорной Ла-Рошели. Власти Женевы не доверяли Констану, поэтому не дали рекомендательных писем ни к герцогу Бекингему, ни к английскому королю. Однако в 1627 году Констан все равно поехал в Лондон, где выдавал себя за полномочного представителя своего отца. Англичане также с опаской встретили Констана, однако он вращался в кругу уполномоченных гугенотов-переговорщиков и выведывал планы англичан: британская эскадра должна была подойти к острову Ре возле Ла-Рошели, чтобы в случае необходимости поддерживать единоверцев.

Констан был оскорблен холодным приемом в Лондоне, поэтому оттуда напрямик направился в Париж, хотя одним из условий примирения с отцом был категорический запрет появляться во французской столице. Всего одну ночь Констан

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Поэта Поля Скаррона называли «королем бурлеска». Ему принадлежит первый в истории литературы сатирический роман

провел в Версале, но успел встретиться с графом де Шомбергом, командующим войсками под Ла-Рошелью, и с самим королем. Констан выдал им все, что ему стало известно в Англии.

В Женеве отец расспросил сына о поездке. То ли Констан неосторожно проговорился, то ли сработала разведка гугенотов при дворе короля, но предательство стало очевидно. Прижатый к стенке, он воскликнул:

– Король давно обещал мне: я заменю тебе потерянного отца!

– Предатели всем внушают омерзение, – ответил старик д'Обинье, – даже своим хозяевам.

Они расстались навсегда. Отец, как всегда, оказался прав: Констан был отвергнут всеми, кроме парижских сводниц и шлюх, которые его содержали еще некоторое время. Вскоре он был арестован в Бордо, за ним числились огромные долги, кроме того, его поездка в Англию теперь расценивалась как государственная измена. Водились за ним и многие другие грехи. В общем, выражаясь современным судейским языком, «по совокупности, путем частичного сложения» его отправили в тюрьму на долгие десять лет.

В тюрьме и колонии

Кому тюрьма, а таким, как Констан д'Обинье, просто мать родна... В тюрьме города Ниора этот узник был на особом положении. Комендант, господин де Кардайак, любил послушать его рассказы о Версале, о придворной жизни. Провинциальная тюрьма – это вам не Бастилия, где вельможи сидят почти в каждой каме-

ре. Мало-помалу комендант и д'Обинье начали общаться по-приятельски, де Кардайак даже приводил Констан до-мой, чтобы жена и дочь тоже могли наслаждаться его рассказами.

Особенно наслаждалась дочь. Однажды господин де Кардайак нашел бедную Жанну в слезах. Оказалось, наш пострел и тут поспел: соблазнил девицу. Комендант со стражниками ворвался в камеру д'Обинье с намерением тут же проткнуть негодяя шпагой. Констан не растерялся и, раскинув руки, воскликнул:

– Спокойно, я на ней женюсь! Дайте же вас обнять, папаша!

Действительно, 27 декабря 1632 года Жанна де Кардайак и Констан д'Обинье обвенчались. С тех пор Констан нечасто бывал в своей камере – только когда ожидалось посещение тюрьмы посторонними. Тесть нанял для молодоженов небольшой дом на улице Пон, как раз неподалеку от тюрьмы. Там в 1635 году появилась на свет дочь Франсуаза. Хотя впоследствии она всегда говорила с гордостью:

– Я родилась в тюрьме!

Минули три года, которые оказались не худшими в жизни Констан д'Обинье – под надзором тестя-тюремщика он мало пил, совсем не играл и вообще не выходил из дома. Но вот скончался кардинал Ришелье, из тюрем выпустили множество заключенных. Выпорхнул на волю и Констан. И тотчас начал транжирить приданое второй жены. Вероятно, он бы опять наделал долгов и снова отправился в тюрьму. Но тут о нем вспомнил один из его парижских приятелей.

Пьер Белэн д'Эснамбюк получил назначение в заморские владения Франции – губернатором острова Мартиники. Ему нужен был помощник, но желающих добровольно ехать на край света не нашлось. Д'Эснамбюк подумал, что Констан д'Обинье, продувная бестия, мог бы там пригодиться. Так в 1636 году д'Обинье с женой и тремя детьми оказались на Мартинике.

Д'Эснамбюк основал там поселение Сен-Пьер, а Констан отправил управляющим на соседний островок Мари-Галант – налаживать жизнь крохотной колонии. На белых поселенцев часто нападали местные индейцы, в укромных бухтах бросали якоря пиратские корабли. Двенадцать лет семья д'Обинье жила на острове в бедности и постоянном страхе. Констан пытался насадить на острове плантации сахарного тростника и табака, он знал, что на соседнем Барбадосе эти культуры процветают и рачительные англичане получают огромные прибыли. Но у колонистов, значительная часть которых была преступниками, дела шли из рук вон плохо. (Замечу в скобках, что современное название исправительных учреждений «колония» пришло отсюда, из XVII века, когда Франция, Англия и некоторые другие страны населяли свои заморские владения преимущественно преступниками, и для них это были колонии очень строгого режима – не все колонисты выживали, и совсем мало кто возвращался на родину.)

К тому же Констан не был официальным управляющим, поэтому он решил ехать во Францию хлопотать о должности губернатора своего островка. Видно, хлопоты не увенчались успехом; почти два года Констан жил во Франции, побывал даже в Англии, а умер внезапно в Оранже 31 августа 1647 года.

Так завершились земные мытарства нераскаявшегося блудного сына – Констан д'Обинье.

Прекрасная Франсуаза

Получив известие о смерти мужа, его несчастная вдова и дети-сироты на первом же корабле покинули ненавистный остров. В пути с двенадцатилетней Франсуазой произошел невероятный случай: от жары и качки она потеряла сознание и... умерла. Судовой лекарь не обнаружил признаков жизни: мертвенная бледность покрывала лицо, пульс не прощупывался, зеркальце, поднесенное ко рту девочки, оставалось незамутненным. Капитан приказал готовить похороны, на палубе расстелили парусину, чтобы завернуть тело, припасли и груз... В это время вперёдсмотрящий увидел родные берега и закричал:

Констан д'Обинье посвятил Людовику XIII несколько скороспелых сочинений

– Земля! Вижу Францию!

Франсуаза открыла глаза. Ей показалось, что это ее зовут по имени. Она вскочила на ноги и улыбнулась, как будто ничего страшного и не бывало.

Корабельный священник перекрестил девочку и сказал:

– Просто так отсюда не возвращаются. Тебя ждет великая судьба!

Однако долгие годы госпожа Фортуна не баловала Франсуазу д'Обинье. Мать умерла вскоре после возвращения во Францию, дети жили в семьях родственников. Франсуазу взяла к себе тетя – мадам де Вийетт, убежденная гугенотка. Однажды ее посетила дальняя родственница – госпожа де Нейян, подруга королевцы-матери. Она обратила внимание на девочку-сироту, убедила тетку, что Франсуазе, для ее же блага, необходимо принять католическую веру.

– Между прочим, – говорила гостья, – сироте и бесприданнице самое место в монастыре, а у вас, протестантов, и монастырей-то нет.

В конце концов Франсуаза стала католичкой и приняла первое причастие. Госпожа де Нейян устроила ее в парижский монастырь урсулинок на улице Сен-Жак.

Несколько лет Франсуаза жила в монастыре послушницей. Она превратилась в очень хорошенькую девушку, и это невозможно было скрыть под монашеским платком; смуглый цвет лица и выразительные темные глаза выдавали яркий темперамент.

В монастыре урсулинок жили многие знатные дворянки, их часто посещали родственники. Однажды зашел провести кузину шевалье де Мере, красавец и галантный кавалер. Кузина познакомила его с Франсуазой, и после этого де Мере зачастил в монастырь. Узнав, что Франсуаза двенадцать лет жила в колониях, шевалье спросил:

– Вы видели индейцев?

– Вот как вас сейчас! – рассмеялась Франсуаза.

– Вы моя прекрасная индианка, – чуть слышно прошептал де Мере.

И в келье еще долго звучали отнюдь не молитвенные шепоты и вздохи.

Но вскоре шевалье подвернулась хорошая партия, и он забыл свою прекрасную индианку. В ту пору считалось, что любая богатая вдова стоит дюжины молодых красоток.

Эта тайная любовь долго причиняла сердечную боль юной Франсуазе. Однако имя «Прекрасная индианка», пущен-

ное легкомысленным любовником в свет, закрепилось за Франсуазой до преклонных лет.

А в ту пору она оказалась перед выбором: постричься в монахини или побираться на улицах. Дело в том, что послушница должна была платить монастырю за свое содержание; плату за Франсуазу вносила госпожа де Нейян, а эта дама была довольно скупа. Поэтому она то забирала Франсуазу к себе, думая, что таким образом экономит, то отсылала обратно в монастырь, и тогда жадность душила ее.

В монастыре – невыносимо, приживалкой у родственницы – унижительно, побираться – стыдно. Правда, был еще один выход – выйти замуж, но кто же ее возьмет без приданого? В семнадцатом веке мужчины были весьма расчетливы. Это уже в девятнадцатом столетии сложился миф о романтических героях, вроде шевалье д'Артаньяна. Кстати, реальный Шарль де Бац де Кастельмор д'Артаньян тоже женился на богатой вдовушке.

Бедной Франсуазе в пору было подавать объявление в «Ла Газетт»: «Симпатичная бесприданница из приличной семьи без в/п выйдет замуж за француза, способного ее содержать».

В том же доме, где в бельэтаже арендовала апартаменты госпожа де Нейян, снимал небольшую квартиру на первом этаже очень странный господин. Ему было едва за сорок, но выглядел он настоящим стариком. Лицо его было иссечено морщинами, как паутиной – такие следы остаются на лицах людей, которые много смеются или, наоборот, много страдают. Этот человек и много смеялся, и тяжело страдал. Он почти не мог передвигаться, слуга возил его в кресле на колесах; тщедушное тело калеки было скрючено, словно сверху на него давил груз вселенского греха.

Веселый урод

Когда Франсуаза впервые его увидела, она невольно замерла, широко раскрыв свои прекрасные «индейские» глаза. Больной не раз наблюдал такую реакцию, поэтому он лишь рассмеялся и сказал:

– Да, сударыня, не часто встретишь человека в виде буквы «Z»! А ведь в вашем возрасте я был прямой, как заглавная I, потом болезнь согнула меня в букву С, потом скрутила как S. Поскольку я уже добрался до конца алфавита, судьбе остается только распять меня на букве Х, как

Людовик XIII и Мария Медичи понимали, что за птица д'Обинье, но привечали его

святого Андрея, и тогда я, наконец, вздохну с облегчением и – в последний раз. Как видите, я, так сказать, живое воплощение французской азбуки, поэтому пописываю иногда всякие пустяки. Меня зовут Поль Скаррон, может, слышали?

Еще бы! Франсуаза читала его «Сборник из нескольких бурлескных стихов» и пародию на поэму Вергилия «Энеида» – «Вергилий наизнанку». Не только она, вся Франция смеялась, читая местами грубоватые, но всегда остроумные сочинения Скаррона. Для него, казалось, не было авторитетов, он издевался над любыми литературными штампами – и над античной классикой, и над новомодной жеманной поэзией.

Как жаль переводить сафьян На книги с посвящением пышным, – писал он и смеялся над всем, что сегодня называют «пафосным». Его книги были книгами для всех – от королевцы-матери, которая ценила его остроумие, до простых парижан.

Франсуаза д'Обинье иногда навещала Скаррона, между ними установились дружеские отношения. Она глубоко уважала этого мужественного и жизнерадостного человека. Он жил довольно скромно, на свои литературные гонорары и небольшую правительственную пенсию, но сам предложил Франсуазе деньги на ее содержание в монастыре.

Мало-помалу Скаррон поведал девушке всю свою жизнь. Он родился в 1610 году, его отец был советником Парижского парламента. Советник был очень набожным и так часто цитировал отцов церкви, что его прозвали Скаррон-Апостол. Он и настоял на том, чтобы Поль получил религиозное образование и стал аббатом. Мать умерла рано, отец женился вторично; как водится, мачеха невзлюбила пасынка. Поль постарался поскорее оставить дом отца; ему удалось устроиться в городе Мансе, в канцелярии епископа Шарля де Бомануара. В 1634 году он сопровождал епископа в Рим уже в качестве секретаря, правда, с нищенским окладом. В шутилом сонете он так писал о руинах Вечного города:

*Лихого времени вы испытали когти.
Но если мрамор вас не уберег от ран,
Ронять ли мне на то,
что скромный мой кафтан,
Два года прослужив,
слегка протерся в локте?*

В 1636 году по протекции своего епископа Скаррон получил приход в Мансе, а вместе с ним и пребенду – доход с церковных зданий, земель и имущества.

Молодой аббат жил самостоятельно и беззаботно: он посещал светские салоны и празднества дворянской молодежи, бывал на театральных представлениях, водил дружбу с актерами. Рассказывали, что он, переодевшись и изменив внешность с помощью грима, танцевал в балетных спектаклях и играл в комедиях. В общем, это был веселый аббат.

Все окончилось очень печально в 1638 году: острый ревматизм поразил суставы, болезнь прогрессировала, молодой мужчина на глазах превращался в калеку. Это произошло так быстро и неожиданно, что породило множество сплетен. Говорили, что Скаррона лечили от какой-то детской болезни местные эскулапы, вот и залечили. Другие уверяли, что беспутный аббат подхватил дурную болезнь, которую тогда врачевали малыми дозами ртути, и она часто обезображивала пациентов. Самая распространенная версия была такая: Скаррон очень хотел участвовать в предстоящем карнавале и поразить всех оригинальным нарядом, но так, чтобы, не дай бог, в нем не узнали почтенного аббата. Он намазался медом, а потом обвалился в пухе и перьях. Когда диковинная птица появилась на площади, горожане пришли в восторг, каждому хотелось унести на память хоть одно перышко с этого пернатого чудовища. В общем, Скаррона порядком общипали, как каплуна, он понял, что сейчас его разоблачат совершенно, и перед его прихожанами предстанет голый аббат! Он бросился бежать, толпа, улюлюкая, за ним. На пути оказалось озеро, Скаррон прыгнул в воду и сидел в тине и камышах, пока толпа не разошлась. Вода была очень холодная, аббат простудился и подхватил сильный ревматизм. Эта выдумка была настолько в духе веселого аббата, что ей охотно верили.

Больной Ее Величества

В 1642 году Скаррон похоронил отца. Ему пришлось судиться с мачехой из-за наследства. Старуха изводила пасынка много лет, и Скаррон написал на нее такую эпиграмму:

*Вот сущая змея!
Я неизбывной,
Глухой пылаю ненавистью к ней.
Хотя в водовороте этих дней
Судьба моя собачья препротивна,
Дай, Боже, белый свет подольше зреть,
Чтоб ненавидел я ее и впредь.*

В 1646 году Скаррон решил перебраться в Париж, чтобы полностью посвятить себя литературе. Своему преемнику аббату Жиро он сказал:

– Жениться мне, что ли, с горя?
Аббат Жиро смутился.
– Откровенно говоря, я не знаю женщины, которая пошла бы за вас. А какую жену вы хотели бы?

Скаррон мечтательно прищурился.
– Найдите мне женщину с такой дурной репутацией, чтобы я мог назвать ее шлюхой и она бы на это не обиделась.

Но и такой невесты для Скаррона в Мансе не нашлось.

В Париже, несмотря на ограниченные физические возможности, поэт свел знакомство с литературной богемой и издателями. Один за другим появлялись в печати его бурлескные стихи и поэмы, его даже прозвали «королем бурлеска». Однако прожить в столице на литературные заработки было невозможно. Все небогатые авторы искали высоких покровителей. Скаррон отправился прямо в Лувр и добился приема у королевы-матери Марии Медичи. Он пожаловался на несчастную судьбу, прочитал стихотворные посвящения ей и кардиналу Мазарини – и получил ежегодную пенсию в тысячу ливров. С тех пор, когда его спрашивали, чем он занимается, он отвечал с комичной важностью:

– Я больной Ее Величества!
Тысяча ливров в год – деньги совсем небольшие, но крайне необходимые: ведь Скаррон после смерти отца содержал сестру. У него было доброе сердце, он часто помогал тем, кому, как он полагал, живется хуже, чем ему. Хотя что может быть хуже его горькой доли: Скаррона мучили страшные боли в суставах, гримаса страдания не сходила с лица... Когда боль утихала, он говорил с вымученной улыбкой:

Дом, в котором жил и умер Поль Скаррон, и сборник его произведений

– На свете немного найдется людей, пусть даже на галерах, которые осмеливались бы оспаривать у меня печальное звание несчастнейшего в мире человека.

Те, кто видели его лично, рассказывали в великосветских салонах о Скарроне, как о диковинке:

– У него отнялись все члены, кроме языка и еще кое-чего, ну, вы понимаете. С тех пор он сидит в кресле и может двигать только пальцами, в которых держит палочку, чтобы иметь возможность почесываться. Это не мешает ему то и дело отпускать шуточки, хотя боли почти никогда его не покидают; следует, пожалуй, считать чудом нашего века, чтобы человек в подобном состоянии, к тому же еще и бедняк, мог так смеяться, как он.

Красавица и чудовище

В эту пору он и познакомился с Франсуазой д'Обинье. Однажды девушка в очередной раз вернулась из монастыря к родственнице. Скаррон сказал ей:

– Мадемуазель, я не желаю больше давать деньги на то, чтобы упрячивать вас в монастырь!

При этих словах девушка надула губки, на ее глазах выступили слезы. А Скаррон улыбнулся и продолжил в свойственной ему грубовато-шутливой манере:

– Да погодите, я просто хочу на вас жениться: мои слуги выводят меня из терпения!

Франсуаза улыбнулась:

– Что ж, это немного лучше, чем монастырь.

Так в 1652 году 17-летняя Франсуаза д'Обинье стала госпожой Скаррон.

Семья переехала в квартал Марэ, который парижане называли «Приютом Безденежья». Впрочем, Скаррон снял здесь один из лучших особняков. Он решил устроить в своем доме салон, в котором будет принимать всех, кто ценит остроумие, уважает талант, любит истину.

И действительно, скоро завсегдатаями салона стали известные поэты, писатели, ученые, военные, даже придворные. Здесь поэт Антуан де Сент-Аман впервые декламировал свою оду «Арион»:

*Когда до берега дельфин домчал поэта,
Счастливый Арион принес*

богам обеты –

И видит: стаи рыб,

*мелькая там и тут,
За голосом его божественным*

плывут...

Здесь придворный поэт Франсуа Лермит по прозвищу Тристан Отшельник читал свои трагедии и стихи.

Другой придворный поэт Исаак де Бенсерад знакомил со своими вариациями на темы «Метаморфоз» Овидия и басен Эзопа.

Знаменитый поэт Франсуа де Буаробер рассказывал собравшимся, как он слу-

жил секретарем у покойного кардинала Ришелье, и читал свои озорные сказки, которые не решился бы исполнить в любом другом месте.

Виконт де Тюренн, ставший маршалом Франции в тридцать три года, рассказывал собравшимся, как начинал воевать простым солдатом.

Бывала здесь и Нинон де Ланкло, знаменитая куртизанка, ставшая писательницей и хозяйкой литературного салона. Для юной Франсуазы Скаррон она сделалась образцом независимой, образованной женщины.

Но, конечно, в центре внимания всегда был хозяин салона Поль Скаррон, его шуток ждали, его новые стихи и эпиграммы встречали аплодисментами. Но он всегда умел вовремя уйти в тень, предоставляя блистать Франсуазе. «Маленький Скаррон», как его называли за глаза, добился своего – с напускным цинизмом он говорил друзьям:

– Я женился на Франсуазе, чтобы видеть людей; иначе кто бы стал навещать несчастного калеку!

Он принимал в своем салоне даже тех, кого опасно было принимать. Когда началась Фронда – противостояние между Парижским парламентом и кардиналом Мазарини, – Скаррон приглашал на свои вечера коадьюнктора (исполняющего обязанности епископа) де Гонди, впоследствии кардинала Реца, а тогда – одного из лидеров фрондеров. Скаррон очень уважал этого человека и, бывало, говорил ему:

– Сидите спокойно, сейчас я буду вас хвалить.

Он поддерживал Фронду и ругал кардинала. Это Скаррон первым начал сочинять сатирические «мазаринады», которые превратились потом в распро-

страненный боевой жанр; «мазаринады» распространялись тысячами экземпляров печатных и рукописных «летучих листов».

*О Ришелье, мудрец примерный!
Он говорил стране своей,
Что если он правитель скверный,
Придет другой – еще скверней.
В наследники по сей причине
Себе он выбрал Мазарини.*

Очень скоро сатирик поплатился за это – его лишили пенсии, как говорится, без объяснения причин. Но он не отказался от довольно дорогого жилья, а только стал работать с еще большей интенсивностью – из-под его пера в последнее десятилетие вышли веселые новеллы, комедии и, наконец, «Комический роман» – первый в истории литературы сатирический роман.

К счастью, вскоре суперинтендант финансов Фуке, человек с чувством юмора (редкость среди министров финансов!), назначил Скаррону собственную пенсию, даже больше королевской – полторы тысячи ливров.

Отношения Франсуазы и Скаррона напоминали сказку «Красавица и чудовище», однако в жизни чуда не произошло, несчастный больной не превратился в здорового красавца. Но молодая жена скрасила последние восемь лет жизни трагического шута, согрела его полумертвое тело теплом истинной любви. Франсуаза никому не говорила о своем отношении к мужу, но все бывали тронуты, когда она, чтобы говорить с ним, глядя в глаза, опускалась на колени.

Но и Скаррон щедро одарил свою жену: он ввел ее в общество, научил быть хозяйкой салона и держаться со всеми с достоинством и на равных. Это дорогого стоит.

Незадолго перед концом поэт сам сочинил себе эпитафию:

*Нет, я не зависть, путник милый,
Я в людях жалость пробуждал:
Еще задолго до могилы
Сто раз на дню я умирал.
Оставь места сии глухие
И больше не тревожь мой сон:
Настала ночь, когда впервые
Спокойно спит поэт Скаррон.*

И вот друзья собрались у постели умирающего поэта. Впервые эти стены слышали не смех, а рыдания. Скаррон сказал:

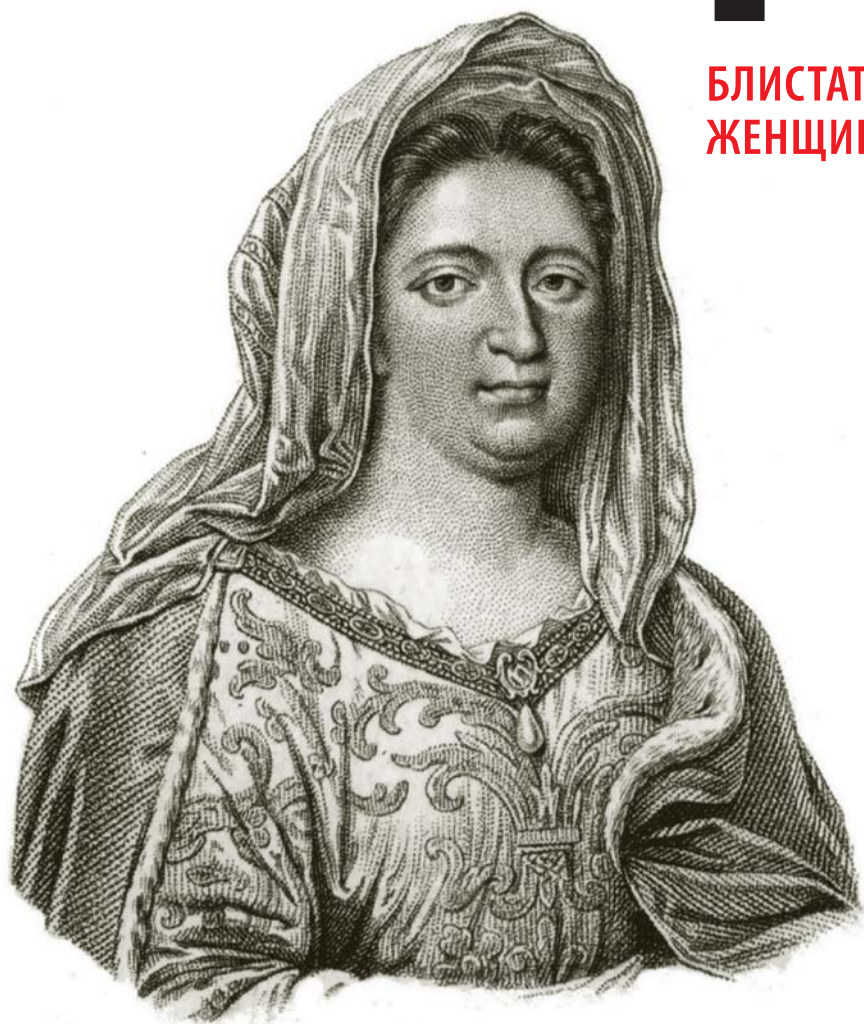
– Дорогие мои, вам никогда не проплакать надо мной столько, сколько вы смеялись благодаря мне.

Шестого октября 1660 года его не стало. Так Франсуаза сделалась вдовой Скаррона и снова оказалась без денег, без дома, без семьи...

Однако впереди ее ждало главное приключение жизни: внучке неистового д'Обинье предстояло стать некоронованной королевой Франции. Но об этом я расскажу в следующем материале.

Жена короля, не королева

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ СУДЬБА ФРАНСУАЗЫ Д'ОБИНЬЕ, ЛЮБИМОЙ
ЖЕНЩИНЫ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА-СОЛНЦЕ

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Мадам Ментенон, воспитательница детей короля и маркизы де Монтеспан

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

И вот теперь я завершаю этот триптих рассказом о внучке Агриппы д'Обинье, Франсуазе, ставшей женой знаменитого писателя-сатирика Поля Скаррона.

Настоящий капитал

Об этом браке много судачили в Париже: семнадцатилетняя Франсуаза д'Обинье восемь лет жила с Полем Скарроном – самым веселым и самым несчастным человеком во Франции. Этот сорокалетний мужчина был скручен параличом, испытывал невыносимые боли, его страдания не облегчал даже опиум. Отношения супругов напоминали сказку «Красавица и чудовище», однако в жизни чуда не произошло, калека не превратился в цветущего красавца. Но молодая жена скрасила последние годы трагического шута; благодаря Франсуазе поэт жил, а не влачил жалкое существование.

Перед смертью Скаррон подозвал Франсуазу и сказал: «Я оставляю тебе, увы, шутовское наследство – мои долги... А впрочем, есть кое-что более ценное, чем деньги. Мои друзья будут твоими друзьями, они тебе помогут. Связи в Париже – вот настоящий капитал...»

Франсуаза снова осталась без дома, без семьи, без денег. Но постепенно ее личные качества и помощь друзей начали приносить свои плоды. Королева-мать, Анна Австрийская, узнав о бедственном положении вдовы, прониклась

к ней состраданием и распорядилась выплачивать скромную пенсию.

Однако скончалась Анна Австрийская, иссяк и этот скудный источник дохода. К счастью, снова выручили связи. Однажды Франсуаза была приглашена в гости к маршалу д'Альбре и встретила там сего кузиной, своей тезкой, маркизой де Монтеспан. Маршал и маркиза часто проводили вечера в салоне Скаррона. Мадам де Монтеспан была молодая красавица с голубыми глазами и светлыми волосами, завитыми мелкими кудряшками, немного полноватая, однако именно рубенсовские формы соответствовали версальской моде той поры. Она всех пленяла обаянием, была интересной и остроумной собеседницей. Маркиза де Монтеспан входила в свиту Генриетты Английской, невестки короля Людовика XIV. И вот при удобном случае она замолвила словечко за свою подругу. Король назначил пенсию для мадам Скаррон.

Людовика XIV прозвали «король-солнце» еще в юности, когда он танцевал партию бога солнца Аполлона в балете, поставленном в театре Пале-Рояль. Но и на солнце бывают пятна. Ни для кого не было секретом, что король никогда не любил королеву, лишь иногда посещал ее спальню, но чаще проводил ночи в объятиях многочисленных любовниц и фавориток.

Жизнь при дворе была строго регламентирована, в том числе жизнь интимная. В отличие от любовницы, фаворитка обязательно имела придворную должность, ей выделялись покои в Версале, неподалеку от покоев короля. Ей выплачивалось немалое содержание, все при-

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Людовик XIV, король-солнце, в зените славы, но уже на склоне лет

дворные обязаны были выказывать фаворитке глубокое почтение. Да что там! Сама королева должна была при встречах любезно общаться с фавориткой.

Людовик был щедр до расточительности со своими женщинами, пока их любил, но и безжалостен, когда с ними расставался. Он всегда обозначал границу, за которую никому не позволялось переступать. Своим приближенным король, бывало, говорил:

– Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более двадцати четырех часов для того, чтобы от нее избавиться.

– Как только вы дадите женщине право говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки, – говаривал также монарх.

Первая фаворитка Луиза де Лавальер и не претендовала на такое право. Король увлекся ею, когда ему было всего двадцать три года. А она была юной, наивной, застенчивой девушкой. Все находили ее хотя и не красавицей, но очень хорошенькой и свежей. Одним словом, настоящая пастушка из модных тогда пасторалей. Луиза и была отчасти такой – провинциалка из Тура, из бедной дворянской семьи, волею случая и благодаря протекции влиятельных родственников вдруг оказавшаяся при дворе.

В 1667 году придворные стали замечать охлаждение короля к своей фаворитке. Людовик подарил Луизе поместье и замок Вожур, наградив ее титулом герцогини де Вожур, но это уже напоминало прощальный подарок.

– Бедняжка! – вздыхала маркиза де Монтеспан. Она была подругой фаво-

ритки, а теперь подумала: «Настал мой звездный час!»

Она всегда оказывалась на глазах у государя, оживленная и даже шаловливая. Словом, полная противоположность Луизе де Лавальер. И произошла полная смена караула: Луиза де Лавальер была удалена из дворца, а затем и вовсе отправилась в монастырь кармелиток; маркиза де Монтеспан сделалась любовницей и чуть позднее – фавориткой Людовика XIV.

Султанша

Маркиза была существом капризным, вздорным, ревнивым. Ее самомнение и требования были просто безграничными. Острога языка маркизы де Монтеспан побаивались все придворные. Она закатывала скандалы даже самому Людовику.

Вдобавок и муж фаворитки, маркиз де Монтеспан, доставил королю немало неприятностей. Неслыханное дело: все, решительно все мужья королевских любовниц и фавориток бывали счастливы отдать своих жен, так сказать, в пользование королю, а этот... Маркиз возмущался, жаловался всем и каждому, наконец, даже законной жене короля – Марии Терезии Австрийской! Вскоре скандал стал публичным: на представлении мольеровской комедии «Амфитрион» маркиз то и дело отпускал гневные замечания. Но вот со сцены прозвучала многозначительная реплика:

– Делить жену с Юпитером не есть потеря чести!

– Черта с два! – воскликнул маркиз, вскочив с места. – Я никому не позволю марать мое честное имя! Даже Юпитеру!

Маркиза вывели из зала под руки. После этой выходки король приказал заточить его в Бастилию. Комендант Бастилии передал узнику великодушное предложение свыше:

– Поезжайте-ка в свое имение, маркиз, и соглашайтесь на развод со своей супругой! Иначе останетесь в Бастилии надолго...

– Будь по-вашему, – согласился де Монтеспан. – Но отныне я прибавлю к моему титулу еще один – главный рогоносец королевства!

В своем имении маркиз де Монтеспан не сразу успокоился. Во-первых, он забрал детей у жены-потаскухи. Во-вторых, он ее... похоронил. Однажды все домочадцы, родственники и соседи были приглашены на мрачную церемонию. Люди в траурной одежде несли гроб, драпированный черным сукном. Следом шел муж с двумя детьми. Когда приблизились к церкви, маркиз де Монтеспан закричал:

– Откройте главные ворота! Мои ветвистые рога не пройдут в низкую дверь.

После заупокойной службы гроб закопали на местном кладбище.

А маркиза де Монтеспан стала полноправной фавориткой. Да еще какой! Ее апартаменты насчитывали двадцать комнат, вдвое больше, чем покои самой королевы! И свита, которая повсюду сопровождала фаворитку, также была многочисленней, чем у Марии Терезии. При дворе ее метко окрестили «султаншей».

Казалось, эта фаворитка достигла наивысшего успеха при дворе. Семеро детей от короля (один умер во младенчестве) подтверждали любовь Людовика самым бесспорным образом. Но страх потерять все, повторить судьбу предшественниц, часто терзали душу султанши. Мадам де Монтеспан добилась удаления из свиты королевы всех молодых и красивых фрейлин, но и это не помогло – король удостоил вниманием даже девушек из собственной свиты фаворитки (не надо далеко ходить!), и у них тоже родились королевские бастарды.

Две Франсуазы

Маркиза де Монтеспан была для своих детей только, как теперь говорят, физической матерью. Отпрысков короля кормили и выхаживали няньки и кормилицы, но вскоре потребовалась и воспитательница. Выбор пал на вдову Скаррон – она была умна, добродетельна и терпелива.

С 1669 года Франсуаза руководила маленьким королевским «детским садом». У нее определенно был педагогический талант. Особенно полюбил ее старший мальчик, Луи Огюст, в будущем герцог Менский. Однажды Людовик XIV посетил своих детей и впервые увидел Франсуазу Скаррон. Она была уже не та «прекрасная индианка», вернувшаяся из заморских колоний, в которую влюблялись с первого взгляда, но все еще считалась одной из самых привлекательных женщин в столице. Когда она говорила королю о своих воспитанниках, ее лицо оживлялось, глаза блестели. Людовик XIV поручил Франсуазе писать ему постоянно о том, как растут его дети, какие делают успехи.

Но Франсуаза оказалась еще и дамой предпримчивой. В это время плантации табака на Мартинике начали приносить большие доходы. Земли ее отца Констан д'Обинье на острове Мари-Галант были освобождены от налогов, поэтому Франсуаза очень выгодно продала их, а на вырученные средства купила поместье и замок за 150 000 ливров. Король от своих щедрот добавил недостающую сумму, и вскоре Франсуаза вместе с воспитанниками переехала в собственный замок.

Ее переписка с королем принимала все более задушевный характер. Король впервые понял, что женщина может быть другом и мудрым советчиком. И вот однажды Франсуазе сообщили, что некий знатный господин желает

тено – стали заклятыми подругами. Король как-то заметил:

– Мне было бы легче примирить всю Европу, чем двух женщин!

Маркиза и демоны

В 1680 году педагогическая карьера мадам Ментенон закончилась. Она получила место фрейлины в свите Марии Анны Баварской – супруги дофина (наследного принца) Людовика Французского. Это назначение было реальным шагом к получению официального статуса фаворитки короля.

Но мадам Ментенон, казалось, вовсе не стремилась к этому и часто повторяла:

– Не доверяйте счастью, приобретенному у изголовья королей.

Во время свиданий с Людовиком она говорила о смысле жизни, философии, религии, литературе, искусстве – и королю не было скучно. Но он, как большинство мужчин, желал иметь в одном лице и монахиню, и блудницу. Редкая женщина может совмещать эти две сущности, поэтому король завел очередную любовницу, семнадцатилетнюю Анжелику де Фонтанж.

Франсуаза умоляла короля подумать о своей душе, советовала сблизиться с законной супругой, несчастной, одинокой женщиной. Между прочим, то же самое говорил королю его духовник, но Людовик XIV только отмахивался от него, как от назойливой мухи. А мадам

И король повелел, во-первых, отныне дегустировать его блюда прямо за столом, здесь и сейчас. Во-вторых, он учредил специальную комиссию для расследования «Дела о ядах». В комиссию вошли восемь советников Государственного совета и еще шесть ответственных чиновников. Им были даны почти такие же полномочия, как у трибунала священной инквизиции. Видимо, король рассудил, что со средневековым мракобесием нужно бороться средневековыми методами.

Когда «Дело о ядах», казалось, уже близилось к завершению, выяснилось, что в нем замешаны и святые отцы. Несколько развращенных аббатов-отступников служили «черные мессы», так сказать, «освящая» приворотные зелья. В ритуалах использовались черные свечи, магические круги и пентакли, восковые фигурки, над которыми произносились заклинания. Нередко в жертву темным силам приносились младенцы – их за гроши покупали у проституток; повитухи также поставляли плоды греха и позора. Некоторые попы проявляли чудеса изобретательности: аббаты Даво и Мариэтт служили «эротические мессы» над обнаженными животами девиц, а отец Жерар из Сен-Савьера вошел при этом в такой священный экстаз, что лишил невинности девушку, служившую ему алтарем.

Самым мерзким отступником был аббат Гибур, служивший «черные мессы», в том числе в доме казненной Ла Вуазен.

**В сети полиции попало множество
отравителей, знахарей и алхимиков.
Взялись и за криминальных повитух,
в их садах и палисадниках обнаружили
целые кладбища младенцев.**

встретиться с ней ночью в парке. Поскольку приглашение доставил посланец короля, то личность загадочного «знатного господина» была секретом Полишинеля.

В назначенный час на аллее в лунном свете появился Людовик XIV в сером камзоле. Франсуаза была в голубом платье, волосы расчесаны гладко, на прямой пробор и убраны на затылке в «узел скромности». Король учтиво поклонился и отрекомендовался с улыбкой:

– Незнакомец, похожий на короля.

Франсуаза присела в реверансе и ответила в тон ему:

– Незнакомка, похожая на госпожу Скаррон.

Оба чувствовали себя несколько неловко, словно играли роли молодых влюбленных в домашнем спектакле. После обмена любезностями король сказал главное.

– Сударыня, с некоторых пор я научился ценить в женщинах скромность и ум.

– Я рада это слышать, сир, но... между нами такая пропасть, – заметила Франсуаза.

– В моей власти перекинуть мост через пропасть, – заявил Людовик. – Примите мой подарок: отныне вы – маркиза де Ментенон...

Но и после этого свидания Франсуаза не спешила пасты в объятия короля. Ему приходилось добиваться любви новоявленной маркизы де Ментенон, и это только разжигало его чувства.

А в это время султанша беззаботно отдыхала и развлекалась на курорте. Она вернулась в Париж отдохнувшая и посвежевшая, но тотчас побледнела, когда узнала о возвышении подруги.

Внешне почти ничего не изменилось: султанша по-прежнему занимала свои покои, придворные и сам король были с ней любезны, но... Людовик XIV с тех пор ни разу не посетил ее будуар.

Две Франсуазы, две маркизы с похожими фамилиями – Монтеспан и Мен-

Ментенон послушался и действительно стал внимательнее к Марии Терезии.

А в это время маркиза де Монтеспан вела тайную войну против новой пассии короля. Это она свела свою молодую фрейлину Анжелику с Людовиком, рассчитывая, что молодая любовница вернет стареющему монарху вкус к амурам утехам. Но король увлекся Анжеликой не на шутку, наградив ее титулом герцогини де Фонтанж; уже поговаривали, что она-то и станет новой фавориткой. Так маркиза де Монтеспан перехитрила саму себя: вместо одной соперницы получила двух.

Мало того, она оказалась замешанной в «Деле о ядах», которое уже давно было у всех на устах. Несколько загадочных смертей при дворе и в высшем свете вызвали подозрение в том, что жертвы были отравлены с целью завладения наследством. В других случаях угадывались явные мотивы избавления от кредитора, соперника или соперницы.

В сети полиции попало множество отравителей, знахарей и алхимиков. Взялись и за криминальных повитух, в их садах и палисадниках обнаружили целые кладбища младенцев. «Дело о ядах» вел лично шеф парижской полиции лейтенант де Реюни, опытный и честный служака. И вот арестованные называли имена заказчиков: это были сплошь титулованные особы, среди них десятки высокопоставленных придворных. Уже на этом этапе прозвучало имя маркизы де Монтеспан.

Первые результаты следствия доложили королю. Людовик XIV с ужасом узнал, что оборотной стороной его солнечного правления оказалось мрачное суеверие, колдовство и чародейство. Этой мерзостью занимались его придворные и даже члены королевского дома! Наконец, в деле замешана его фаворитка, мать семерых его детей! И кто поручится, что она тайно не кормила его какой-нибудь гадостью?!

И вот тут имя маркизы де Монтеспан прозвучало уже в полную силу: она оказалась непосредственной участницей нескольких кощунственных ритуалов. Выяснилось, что она заказывала аббату Гибуру «черные мессы» по привороту Людовика XIV, причем еще в ту пору, когда сердцем короля владела несчастная «турская хромоножка». Со временем беспутный аббат стал практиковать более радикальные «эротические мессы». Согласно показаниям свидетелей и признанию самого Гибура, три «эротические мессы» заказала маркиза де Монтеспан; во время одного такого действия она лежала обнаженной на тюфяке, бесстыдно раскинув ноги, и на ее глазах был убит недоношенный младенец. Аббат Гибур собрал кровь жертвы в чашу, поставил ее на живот маркизы и воззвал к демонам похоти:

– Астарот и Асмодей, принцы братства, примите в дар это дитя, взамен я прошу для этой дамы вечной благосклонности короля и дофина, чтобы ее чтили принцы и принцессы, чтобы король не отказывал ей ни в чем, как для нее, так и для ее родственников.

Из крови младенца было тут же изготовлено снадобье, которое аббат Гибур вручил маркизе де Монтеспан.

Уже одни эти сведения могли решить участь султанши. Но было еще кое-что, не менее важное: из разных свидетельств и заявлений самой фаворитки следовало, что она никогда не любила Людовика XIV, просто использовала его в своих честолюбивых целях. Какой удар по самолюбию монарха! Наконец-то увещания мадам Ментенон по-настоящему достигли ума и сердца короля. Вдобавок неожиданно умерла Анжелика де Фонтанж, а вскоре скончалась и королева Мария Терезия. Эти две смерти глубоко потрясли Людовика XIV, он воспринял их как знак свыше. Король многое переоценил, о многом задумался. Теперь он уже не только уважал и любил мадам Ментенон, но и нуждался в ней.

► Тайный брак

Итак, двое немолодых людей – ему сорок пять, ей сорок восемь – уже несколько лет вместе и... порознь! Мадам Ментенон стала официальной фавориткой короля, он проводил в ее покоях большую часть дня, она была окружена всеобщим почтением, но... она стыдилась этой роли. А на что еще она могла рассчитывать? Разве могут короли, как поется в известной песенке, жениться по любви?

После смерти королевы Людовику XIV следовало бы жениться на какой-нибудь европейской принцессе, таков вековой закон государственной политики. Но невесты на ту пору предлагались какие-то неинтересные: что инфанта Изабелла Португальская, что принцесса Анна-Мария-Луиза Тосканская – оба брака не сулили больших политических выгод. И король решил жениться по любви.

В ночь на 10 октября 1683 года в часовне Версаля состоялось тайное венчание короля Людовика XIV с мадам Ментенон. Венчал новобрачных духовник короля Лашез, присутствовали архиепископ Парижа де Шамваллон, военный министр Лавуа и королевский камердинер Бонтан. Если духовные лица одобряли поступок короля, то министр Лавуа всячески ему противился, но согласился с условием, что этот брак навсегда останется тайным.

В окружении Людовика XIV соперничали две основные партии: министра финансов Кольбера и военного министра Лавуа. Король по-своему ценил обоих, но у женщины, как известно, всегда особое мнение. Мадам Ментенон знала, что Лавуа всегда поддерживал султаншу – маркизу де Монтеспан, даже пытался выгородить ее в «Деле о ядах». Вряд ли мадам Ментенон сознательно «шла в политику», ее вполне удовлетворили бы взаимно уважительные и искренние отношения с королем, но она вынуждена была заниматься государственными делами, чтобы обезопасить себя, укрепить свое положение при дворе. Поэтому она всегда поддерживала родственников и выдвиженцев Кольбера, даже если они были никчемными людьми, и скрыто вредила ставленникам Лавуа.

Жила мадам Ментенон при дворе скромно, занимала всего четыре комнаты. Но именно в ее апартаменты король фактически перенес свой кабинет – туда приходили с докладами министры и придворные. Мадам при этом читала книгу или занималась рукоделием, не выражая, казалось, интереса к происходящему. Однако ни одно слово не ускользало от нее. В затруднительных случаях король спрашивал:

– Мадам, как мне следует поступить?

И она отвечала:

– Думаю, Ваше Величество поступит мудро, если... – и предлагала свой план действий.

Ее суждения бывали настолько логичными и взвешенными, что Людовик XIV чаще всего следовал рекомендациям жены. Он словно забыл о своих прежних заявлениях, что женщин нельзя и близко подпускать к государственным делам.

В конце концов министры и придворные взяли за правило обсуждать все вопросы с мадам Ментенон, прежде чем выносить их на рассмотрение государя. Только два министра манкировали новыми порядками – министр иностранных дел маркиз де Торси (кстати, его назначение было одобрено мадам Ментенон) и военный министр – упрямец Лавуа.

Де Торси всякий раз объяснял, что по его ведомству вопросы носят срочный и конфиденциальный характер, поэтому требуют решений короля в любое время. Но это не остановило мадам Ментенон, и она все равно активно вмешивалась в международные дела через верных ей людей.

А военный министр маркиз де Лавуа упорно не замечал возросшего влияния мадам Ментенон. Он издавна пользовался безграничным доверием короля, ибо ничто так не сближает мужчин, как совместные боевые действия.

Это был настоящий «ястреб» своей эпохи, готовый драться всегда и с любым противником. Он полностью разделял

Мадам де Ментенон на одре болезни принимает российского самодержца Петра I в Сен-Сире, где она создала первый в мире Институт благородных девиц

убеждение короля в том, что Франция – центр мира и может всем диктовать свою волю. Он вместе с Людовиком XIV вел страну по гибельному пути непрерывных войн, разоривших в конце концов государство. Поэтому можно сказать, что неприязнь мадам Ментенон к Лавуа носила не только личный характер.

Рабочий день мадам Ментенон был расписан по минутам, она принимала множество посетителей и вела обширную переписку; ее письма составили восемьдесят объемистых томов; лишь половина ее эпистолярного наследия дошла до наших дней.

Мадам Ментенон стала первой женщиной-политиком действительно высокого государственного уровня; она общалась не только с первыми вельможами страны, но даже с главами иностранных государств. Впоследствии таких высот политической власти достигла лишь маркиза де Помпадур, и, надо думать, опыт мадам Ментенон был ей очень полезен.

Конечно, многие ее решения и рекомендации были продиктованы сиюминутными интересами, конъюнктурными соображениями; другие – истовой религиозностью. Большой совместной ошибкой короля и его тайной жены стала отмена Нантского эдикта 1598 года – первого закона о религиозной терпимости, гарантировавшего гугенотам свободу вероисповедания. Он был выстрадан десятилетиями религиозных войн, написан буквально кровью протестантов и католиков. Над этим законом трудился поэт и воин Агриппа д'Обинье. Какая ирония судьбы! Его внучка Франсуаза, примерная католичка, выступила противницей главного дела жизни своего славного предка. Правда, Людовик XIV вынашивал эту идею уже несколько десятилетий, а сама мадам Ментенон заявляла:

– Следует завоевывать гугенотов добротой, обращать их в истинную веру мягким христианским убеждением.

Но дело было поручено Лавуа, а он действовал отнюдь не по-христиански: его набеги на города и села гугенотов прозвали «драконадами» – драгунские полки разоряли жилища протестантов, детей отнимали у родителей и отдавали в католические монастырские школы и приюты. В результате сотни тысяч гугенотов – волевых, благочестивых и пред-

приимчивых французов – эмигрировали в Англию и Голландию.

Декольте под запретом

Тайный брак короля был секретом только для народа, а в Версале каждый знал, что мадам Ментенон не просто очередная фаворитка. Бытовала такая шутивая загадка:

– Кто такая: жена короля, но не королева?

Однако почести ей оказывались почти королевские: она сидела в кресле в присутствии короля, дофина и иностранных коронованных особ; когда енисли в портшезе, следом выстраивалась процессия из принцев и принцесс. Но во время официальных церемоний она держалась как придворная дама, не более того.

Толки об этом браке ходили разные. Герцог Оранский, как всегда, отпускал циничные шуточки:

– Французский король – противоположность другим государям: у него молодые министры и старая любовница!

Мадам Ментенон «пришла во власть» уже сложившейся личностью, многое в жизни Версаля претило ее убеждениям. Отдельно доставалось дамам:

– Женщины нашего времени для меня непереносимы, – говорила она. – Их наряды нескромны, их табак, их вино, их грубость, их леность, все это невозможно принять.

Дамы платили ей дружной ненавистью, прозвали «дамой в черном» и уверяли:

– При ней в Версале даже кальвинисты завывали бы от тоски!

Если быть точным, мадам Ментенон редко одевалась в черное (король этого не любил), чаще носила свое любимое голубое, не пренебрегала модой и даже вводила свои модные новинки, например, ткань «атлас Ментенон»: крупные цветы, вытканые на темном или светлом фоне. Но верно и то, что вместо театральных представлений и балов в Версале все чаще служили мессы. Запрещены были декольте и драгоценности. Прическа осталась одна – а-ля Ментенон.

Загадкой для всех оставались собственно супружеские отношения короля и мадам Ментенон. Ходили слухи, что король жаловался духовнику мадам Ментенон:

– Повлияйте на свою подопечную! Объясните, что быть страстной на супружеском ложе – не грех, а долг супруги!

Что ж, холодные женщины любят с прохладцей, но этим лишь разжигают мужчин. Нехватку любовного пыла они восполняют горячей преданностью.

Наконец-то королева!

Педагогический талант не помог мадам Ментенон перевоспитать царственного супруга – он оставался законченным эгоистом, себялюбцем и все еще, увы, неверным мужем. Не смогла она, конечно же, исправить придворные нравы. Поэтому она решила создать учебное заведение для девочек из бедных дворянских семей. Она мечтала вырастить поколение образованных, благочестивых девушек, которые станут примерными женами, а впоследствии воспитают столь же примерных сыновей отечества.

Этот первый в мире Институт благородных девиц открылся в 1686 году в замке Сен-Сир неподалеку от Версаля. В нем обучались 250 воспитанниц. Мадам Ментенон разработала учебную программу, сама преподавала орфографию, историю, литературу и основы педагогики, следила буквально за всем, даже пробовала блюда на кухне перед подачей на стол. Долгие годы она совмещала жизнь при дворе и руководство институтом. Но постепенно Сен-Сир занимал ее мысли все больше; только здесь она снова ощущала себя необходимой и незаменимой – такой она чувствовала себя, когда была женой-сиделкой при больном Скарроне, и позднее, когда служила воспитательницей детей короля...

В 1712 году мадам Ментенон окончательно переехала из Версаля в свой институт благородных девиц.

Через три года Людовик XIV скончался. Перед смертью он призвал мадам Ментенон проститься. Король положил холодящую ладонь на ее руку и произнес:

– Скоро мы увидимся снова...

Она вышла вся в слезах. А когда немного успокоилась, сказала задумчиво:

– Подумайте только, какое милое свидание он мне назначает! Этот человек никогда никого не любил, кроме себя.

Однако свидание это неумолимо приближалось, силы оставляли мадам Ментенон; она уже не покидала своих покоев в Сен-Сире.

В 1717 году русский царь Пётр I побывал во Франции, он захотел осмотреть образцовое учебное заведение в Сен-Сире и засвидетельствовать свое почтение мадам Ментенон: для молодого царя она была живым свидетельством блестящего века Людовика Великого. Когда мадам Ментенон сообщили о желании русского царя, она согласилась, но предупредила, что больна и примет гостя в постели.

В семь часов вечера Пётр I вошел в покои мадам Ментенон и сел у изголовья.

– Вы нездоровы, сударыня? – спросил он.

– Увы, – ответила она.

– Чем же вы больны?

– Моя болезнь – это глубокая старость и довольно слабое телосложение.

Царь молчал некоторое время, а потом попросил:

– Нельзя ли откинуть полог, чтобы я мог рассмотреть вас лучше?

Она отвела полог и спросила:

– Зачем вы посетили меня?

Пётр ответил не сразу, подыскивая слова.

– Я приехал, чтобы увидеть все великое, что есть во Франции.

Затем встал, отнес глубокий поклон и вышел.

15 апреля 1719 года скончалась мадам Ментенон, вдова шута и короля, и была погребена там же, в Сен-Сире.

...Минуло почти семьдесят пять лет. Во время Французской революции санкюлоты ворвались в базилику Сен-Дени и развеяли по ветру прах своих королей. Так же обошлись они и с останками мадам Ментенон в Сен-Сире.

Современник заметил:

– Наконец-то она провозглашена королевой!

Странная история декана Броди

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

Стивенсон-старший позвал сына в свой кабинет. Почтенный инженер-строитель завел знакомую песню:

– Ты совсем не бываешь в церкви, не уважаешь наши традиции, пропускаешь занятия в университете! Тебе не место в клубе студентов, чей девиз – пренебрегать всем, чему учили родители! Ты постоянно употребляешь жаргонные словечки! Куда ты катишься?!

Роберт Льюис Стивенсон ненавидел эти разговоры. Он ненавидел этот кабинет, обшитый дубовыми панелями и уставленный резными шкафами. Это была работа знаменитых краснодеревщиков из мастерской Броди. Последний хозяин фирмы, Уильям Броди, окончил свои дни на виселице в 1788 году. Про него говорили, что он вел двойную жизнь. Может быть, поэтому молодой Стивенсон всегда ощущал какую-то двуличность в убранстве отцовского кабинета.

В тот вечер Роберт Льюис зашел в таверну на окраине Эдинбурга: такие заведения его отец называл грязными притонами. Тут и в самом деле собирались подозрительные личности, воры и проститутки. Неуемное любопытство начинающего писателя влекло молодого Стивенсона в злачные места, он наблюдал жизнь городского дна, запоминал характерные слова и жесты. Поначалу к нему относились настороженно, но вскоре привыкли к юноше богемного вида, с бледным аскетическим лицом, одетому в неизменную бархатную куртку, какие носили в то время художники.

Он сидел перед кружкой эля, покуривая трубку. Зал заполнялся клубами табачного дыма, в нем теряли реальные очертания фигуры проституток в ярких нарядах и жуликов всех мастей. Юноша достал записную книжку, карандаш и набросал строки:

*Ты любишь, набожный народ,
В багрец и золото рядиться.
Курю, кривя усмешкой рот,
Милей мне мытарь и блудница...*

Внезапно перед ним за столом оказался пожилой незнакомец, судя по виду, опустившийся джентльмен. Несмотря на свой старомодный потертый костюм, он держался с большим достоинством и даже высокомерием.

– Как измелечали шотландцы! – воскликнул он, окидывая взглядом зал. – В наше время даже отъявленные преступники были джентльменами! Взять хотя бы Уильяма Броди – доводилось ли вам слышать его историю?

– В общих чертах, – ответил Стивенсон. – В детстве нянька пугала меня этим именем, уверяла, что сам дьявол вселился в него, что он и сейчас бродит по закоулкам Эдинбурга. По странному совпадению, сегодня я уже вспоминал этого человека. Было бы любопытно узнать о нем больше.

– О, я знаю его жизнь, как свою собственную! – криво усмехнулся незнакомец. – Только... у меня лучше получается после кружки эля.

Вожделенная кружка тотчас была подана. Сделав несколько глотков, джентльмен начал рассказ.

Уильям Броди был потомком славного клана Броди, чей родовой замок и поныне возвышается среди гор Шотландии. Отец Уильяма владел самой известной мебельной мастерской в Эдинбурге. Искусные мастера под руководством Френсиса Броди изготавливали не только мебель, но и двери, оконные рамы, обшивали дубовыми панелями потолки и стены. Понятно, что клиентами Броди становились люди, что называется, из общества. Дом самого Броди был одним из лучших в Эдинбурге, с величественным входом, арочными окнами; потолок в зале был расписан известным художником.

В 1886 ГОДУ РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН НАПИСАЛ СВОЮ ЗНАМЕНИТУЮ, ПРОСЛАВИВШУЮ ЕГО В ВЕКАХ «СТРАННУЮ ИСТОРИЮ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И МИСТЕРА ХАЙДА». ЧТО ПОСЛУЖИЛО ОСНОВОЙ ЭТОЙ МРАЧНОЙ ФАНТАЗИИ? И НЕУЖЕЛИ У ЧУДОВИЩА ХАЙДА БЫЛ РЕАЛЬНЫЙ ПРОТОТИП?

Портрет Роберта Льюиса Стивенсона кисти его друга, художника Джона Сингера Саржента. Справа в кресле – жена писателя Фанни

Уильям родился 28 сентября 1741 года. Впоследствии у Френсиса и Сесил Броди родилось еще десять детей, но почти все умерли в младенчестве, выжили только две сестры. Отец учил сына ремеслу и приобщал к ведению бизнеса. В молодые годы Уильям уже принимал заказы, заключал контракты, руководил мастерами. В 1863 году его приняли в гильдию краснодеревщиков.

Броди-старший умер в 1882 году, и все дело сосредоточилось в руках Уильяма. Он унаследовал дом Броди, несколько строений и участок городской земли, а также 10 000 фунтов. Он стал видным представителем эдинбургского истеблишмента – членом городского совета и деканом (главой) объединения мастеров. С тех пор все называли его декан Броди – общественная должность как бы заменила имя собственное.

Дела Броди шли превосходно, он получал заказы не только от частных лиц, но и от городских властей: оформлял и обставлял библиотеку университета, Главное акцизное управление. Декан всегда одевался со вкусом, как настоящий денди. Роста он был невысокого, но отличался изящной стройностью. Большие

карие глаза блестели из-под красиво очерченных темных бровей. Правда, немного портил общее впечатление бледный, нездоровый цвет лица.

Вместе с тем Уильям отличался живым умом и общительностью, среди его близких знакомых были выдающиеся шотландские поэты Роберт Бернс и Роберт Фергюссон, известный художник Генри Ребёрн – все они были членами элитарного сообщества творческой интеллигенции Кейп-клуба. Иногда заседания клуба оканчивались попойками, исполнением озорных стихов и песенок, но такова святая традиция шотландских посиделок.

– Однако это лишь видимая, так сказать, сторона Луны, – продолжал незнакомец. – А ведь в каждой душе есть и сумеречная, потаенная сторона...

Он описывал события так ярко, с такими точными деталями, что Стивенсону казалось, будто он слушает исповедь самого декана Броди.

На темной стороне

«Я не женился и не завел семьи, потому что слишком дорожил своей свободой. У меня были две постоянные любовни-

цы, не считая мимолетных увлечений. Я умел скрывать свою тайную жизнь. У первой любовницы Энни Грант было от меня трое детей; старшую дочь мы назвали Сесил в честь моей матери. Впрочем, и вторая подруга, Джейн Уотт, была славная бабенка, она родила мне двоих мальчуганов. Обе мои любовницы до самого конца ничего не знали друг о друге.

Но женщины это так, страстишка. А настоящая страсть у меня была к азартным играм. Я играл в кости ночи напролет, иногда проигрывался в прах, но, бывало, и отыгрывался. В приличном обществе тогда позволительно было играть в карты, а кости метали только в притонах. Так я стал завсегдатаем таверны виноторговца Джеймса Кларка возле Рыбного рынка. По вечерам там играли по маленькой, а настоящая, большая игра начиналась ночью, и только для избранной компании.

Другим «джентльменским пороком» считались петушиные бои. Их устраивал на своем постоялом дворе Майкл Хендерсон. Я так пристрастился к этой забаве, что предпочел бы потерять богатый заказ, нежели пропустить сражение этих пернатых гладиаторов. Впрочем, у Хендерсона играли также и в карты, и в ко-

сти. Притом на постоялом дворе непрерывно сменялся состав игроков, здесь легко ставили все на кон, кто-то срывал куш, кто-то проигрывал последнее, а на завтра исчезали и те, и другие.

Через четыре года такой жизни почти все отцовское наследство растаяло; бизнес едва восполнял чудовищные растраты. Вокруг меня вился уголовный сброд, поэтому мысли о преступлении не были чем-то невероятным. Нужен был только подходящий случай.

Однажды мой знакомый сказал, что уезжает по делам. «Значит дом остается без присмотра», – смекнул я. Совсем недавно я менял там дверь и прекрасно знал устройство замка. Ночью, когда пробило полночь, я надел маску, прихватил фонарь, связку отмычек и отправился на свое первое дело. Дверь поддавалась без труда, я проник в дом. Пожива была невелика, но я радовался ей, как ребенок, укравший яблоко с лотка разносчика... Когда вернулся из поездки мой приятель, я первым пришел поддержать его и выразить сочувствие. Я даже обещал поднять на городском совете вопрос о борьбе с преступностью!

Потом я вспомнил об одной своей клиентке – богатой старушке. Вообразите, старая дама вернулась из церкви и задремала в кресле с библией в руках. Вдруг прямо перед ней беззвучно появился некто в черной маске, взял со стола ключи от бюро, открыл потайной ящик и выгреб всю наличность, затем поклонился и был таков. Старушка так и осталась сидеть с открытым ртом. Когда шериф спросил, как выглядел преступник, она сказала: «Он был похож на декана Броди!» Ее подняли на смех.

Да что там какая-то старуха! Я чуть было не обобрал жениха собственной сестры, но вовремя остановился, не из-за угрызений совести, а чтобы лишний раз не привлекать внимание полиции к своей персоне.

Я переступил какую-то невидимую черту и почувствовал себя свободным и могущественным. Но теперь мне понадобились сообщники, и я стал приглядываться к обитателям постоялого двора Хендерсона. Здесь уже несколько месяцев ошивался Джордж Смит, слесарь из Бирмингема. Он приехал в Эдинбург на подводе, чтобы завести здесь свое дело, но проиграл уже и лошадь, и повозку. Такого помани только пальцем. Вторым подходящим парнем был Эндрю Эйнсли, бывший сапожник, ставший профессиональным игроком, этот тоже был готов на все ради денег. Наконец, настоящий выжига Джон Браун, недавно осужденный за воровство на семь лет каторжных работ в колониях, но бежавший из-под стражи. Все трое охотно вошли в мою шайку.

Осенью 1786 года мы сделали пробное ограбление скобяной лавки Маккейна. Смит изготовил ключ, открыл дверь, двое скрылись внутри, двое оставались на страже. Почти ничего ценного нам не досталось, но дело прошло как по маслу, это было главное...

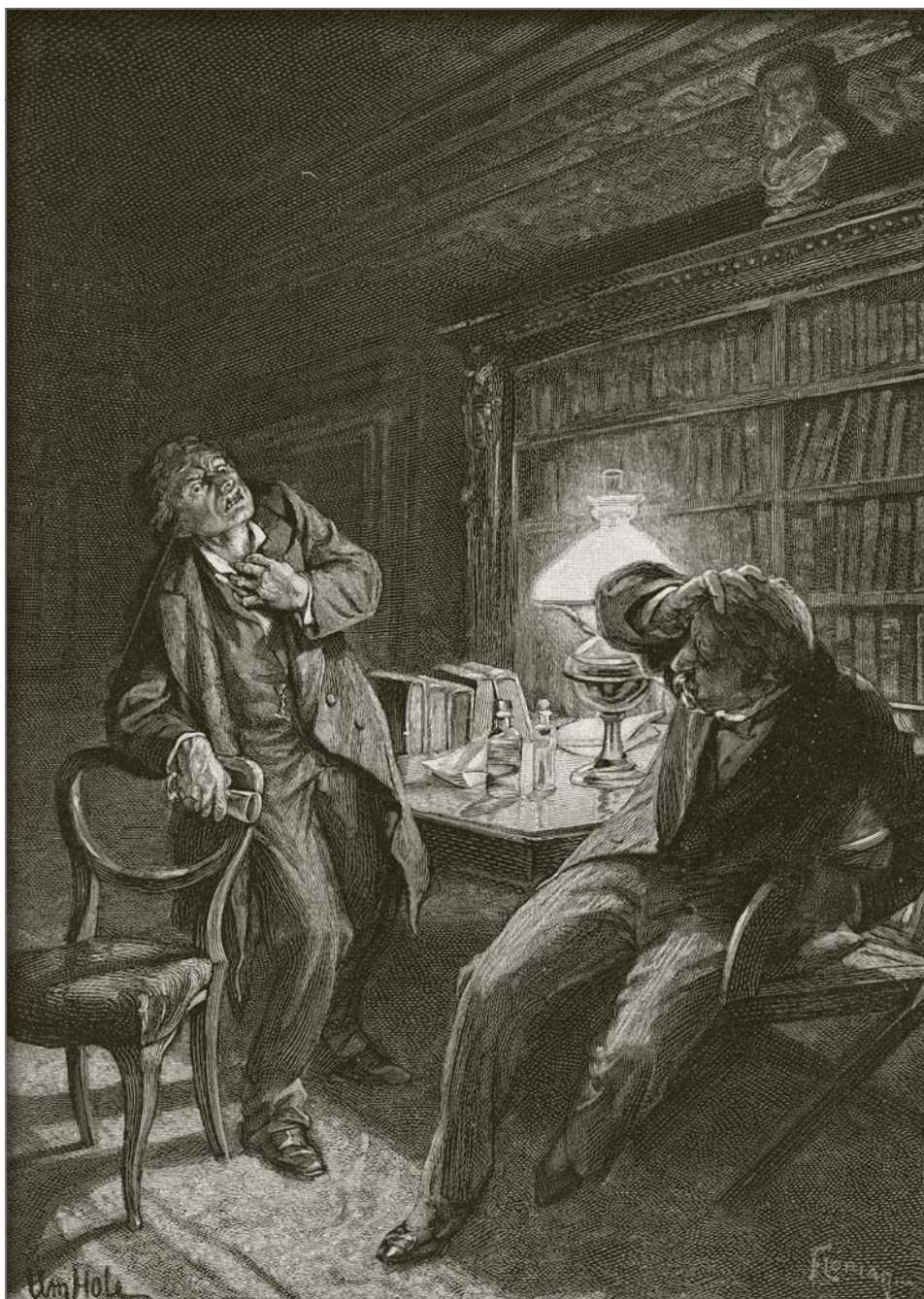
Не оставляйте ключ при входе

...С тех пор я постоянно высматривал, где пожить. Я знал, какие замки установлены на дверях многих состоятельных горожан. Впрочем, добыть оттиск ключа было не так трудно. Я бывал во многих домах запросто, а в то время хозяева неизменно вешали ключ на гвоздик при входе. В кармане у меня всегда был кусок мягкой замазки, надо было только улучшить момент и сделать оттиск. Дальше приступал в работе наш умелец Смит. Если же ключ все-таки не подходил, в ход шли отмычки.

Награбленное у нас скупал Джон Теккер из Честерфилда – мы нарочно подыскивали барыгу подальше от Эдинбурга. Правда, он давал за нашу добычу половину, а то и треть цены. Позднее я арендовал в укромном месте подвал – в этом временном складе мы держали награбленное до отправки Теккеру.

Эдинбург гудел, как ветер в каминной трубе – все только и говорили, что о таинственных грабежах. Лучше бы сменили замки и не оставляли ключи на самом видном месте! Поистине людская глупость правит миром. Шериф Эдинбурга ничего не мог поделать, хотя под его

FOTOBANK/GETTY IMAGES

Сцена из романа Стивенсона: доктор Джекил превращается в чудовище Хайда

началом служили сто двадцать полицейских. Но это были в основном ветераны, отставники из горных стрелков. Они не способны были справиться даже с подгулявшими молодчиками из пабов, о чем тут толковать!..

Грабежи продолжались полтора года. Новый, 1788 год начался для нас удачно. Восьмого января мы взяли в мануфактурном магазине Энглиса и Харпера шелка и батиста на четыреста фунтов. На этот раз хозяева подняли такой шум, что в Лондоне было слышно. Правительство объявило награду в сто фунтов за поимку преступников, потом накинуло еще полсотни, затем пообещало двадцать гиней и полное прощение тому из преступников, кто донесет на своих поделщиков.

А мы знай себе пировали и резались в карты и кости. На этой ниве нам тоже удавалось иногда разжиться – ведь мы плутовали сообща. Слесарь Смит навострился делать чудо-кости, которые ложились удачно для нас и несчастливо для наших соперников. Как-то мы обыграли постояльца Джона Гамильтона на одну гинею золотом и двадцать шиллингов серебром. Он понял, что мы жульничали, и наутро обратился с жалобой в суд. Судейский чиновник пришел взять мои объяснения. Я письменно засвидетельствовал, что никогда не бывал в таких гнусных притонах, никогда не играл в кости и даже не слыхивал о способах мошенничества в игре. Ну, кому поверят – декану Броди или какому-то трубочисту из Портсбурга? Разумеется, разбирательство на том и окончилось.

Иногда наши кражи были импровизациями, мы рисковали из чистого молодчества. Как-то вечером шли по улице мимо магазина Джона Тэппа, вдруг Браун сказал: «Зайду наудачу. Когда в магазине погаснет свет, вскрывайте замок и спокойно делайте свое дело». Он зашел в магазин, разговорился с хозяином, слово за слово, Браун достал бутылку виски и предложил: «А не выпить ли нам?» Тэпп охотно согласился, запер магазин, погасил свет, поднялся с гостем на второй этаж в свою квартиру, и началось засто-

лье. А мы тем временем утащили из магазина 18 гиней, 21 шиллинг, серебряные часы и кольца. Вскоре к нам присоединился Браун – сыт, пьян и нос в табаке.

Но еще большей наглостью была кража из библиотеки Эдинбургского университета. Всякий, кто там бывал, видел в витрине под стеклом церемониальную серебряную булаву – с нею ректор выходил в самых торжественных случаях. Понятно, все университетские двери делали мои мастера, все замки прошли через мои руки. Ночью в университете пусто, как на кладбище, дело было легкое, а эффект поразительный. Если бы мы обчистили кафедральный собор, нас и то меньше проклинали бы...

Дело сорвалось

...Да, я полтора года чувствовал себя ночным королем Эдинбурга! Клянусь, мое высокое положение не приносило мне такого удовольствия, как чувство тайной власти и безнаказанности творимого зла. В преступном ремесле тоже есть свои высоты, и мне хотелось совершить нечто еще более потрясающее, небывалое. К тому же я по-прежнему нуждался в деньгах: вся добыча уходила в оплату моих удовольствий. Нужно было нанести решающий удар! И я решил ограбить Главное акцизное управление Шотландии. Туда стекались налоги со всей страны, куш мог составить не одну тысячу фунтов!

Здание акцизного управления располагалось в старинном двухэтажном особняке, огороженном с улицы невысоким решетчатым забором с узорчатой калиткой. Я не раз бывал внутри и знал план помещения. Сходил туда еще раз на разведку вместе со Смитом. Пока я отвлекал расспросами чиновников, Смит сделал оттиск с ключа, висевшего у входа, как в обычном доме. Трудность представляла только массивная дверь хранилища на втором этаже – по мнению Смита, ее можно было вскрыть только ломом.

Браун с Эйнсли по вечерам вели наблюдение за сторожем. Они выяснили, что служащие покидали здание не позже семи

часов вечера. В восемь сторож запирает входную дверь и относит ключ к управляющему на дом. В десять часов мимо особняка проходил полицейский дозор. Значит, у нас было около двух часов.

Мой план был таков. Мы входим за ограду, Эйнсли остается снаружи, в случае опасности он должен свистнуть один раз, если приблизится один человек, три раза, если их будет больше. В это время я, Смит и Браун отпираем дверь, входим и запираемся изнутри. Я остаюсь на первом этаже, а Смит и Браун поднимаются вверх, вскрывают дверь хранилища и забирают добычу. На случай отступления у нас будет веревочная лестница, чтобы спуститься через окно в сад позади особняка. Ну, и на этот раз мы решили взять пистолеты. А чтобы запутать следствие, я придумал оставить на месте преступления шпору со сломанной пряжкой: мол, преступник приехал и уехал верхом на лошади, его станут искать где-нибудь в округе, а не в городе.

Подготовка шла четыре недели. Наконец, вечером четвертого марта я оделся во все черное, напялил старый отцовский парик и треуголку, сунул пистолет за пояс, прихватил фонарь и отмычки и отправился на встречу со своей шайкой. Я был в ударе и напевал любимую песенку из «Оперы нищего» Джона Гея, которую часто давали у нас в Королевском театре:

В путь, друзья! Судьба зовет!

Час настал для нападения,

Ну-ка, парни, прочь сомненья!

Добыча в руки к нам идет!

Мы дождались, пока сторож запрет дверь и уйдет, и тотчас приступили к делу. Входная дверь поддавалась легко, все заняли свои места. Смит и Браун вскрыли дверь хранилища и очутились внутри. Каково же было их разочарование, когда они обнаружили там лишь две пятифунтовые банкноты, шесть гиней и несколько серебряных монет разного достоинства. Они продолжали поиски больше получаса, но так и не нашли потайного ящика кассира, в котором, как потом выяснилось, хранилось шестьсот фунтов!

Вдруг мы услышали, как кто-то отпирает входную дверь. Поскольку сигнал тревоги не прозвучал, мы предположили самое худшее. Я бросился на второй этаж и сразу к окну, следом за мной остальные, побросав отмычки, лом и маски.

Оказалось, это вернулся один из служащих, забывший какие-то бумаги, с которыми должен был поработать дома. Наш сообщник Эйнсли струсил и пустился наутек, забыв обо всем. Чиновник ничего не заподозрил, зашел в одну из комнат, взял нужные документы и спокойно вышел, заперев за собой дверь. Если бы мы затаились, то смогли бы продолжить дело, а потом уйти, не наследив. Но если бы мы столкнулись с чиновником нос к носу, то, несомненно, пристрелили бы его.

Однако что сделано, то сделано. На другой день мы встретились, поделили скудную добычу и разошлись по домам...

...Я был полностью уверен в своих сообщниках, не сомневался, что и этот неудачный грабеж сойдет нам с рук. Но, оказывается, Браун давно затаил недовольство. Денег мы добывали немного, а риск все возрастал. То, что мы взяли за пистолеты, значительно отягощало нашу вину: за вооруженное ограбление полагалась виселица. Последняя неудача толкнула Брауна на предательство. Газеты по-прежнему печатали обещание правительства: полное прощение сообщнику, если он выдаст всю шайку. И Браун, как Иуда, со своей долей в кармане отправился к шерифу. В ту же ночь были схвачены Смит и Эйнсли.

Весть о поимке ужасных разбойников уже наутро разнеслась по столице. Мне сказал об этом мой слуга, и я чуть не поперхнулся глотком кофе. Но взял себя в руки и стал размышлять: «Если я не арестован, значит, мое имя еще не названо. Вероятно, мои сообщники уверены, что я достану их и в тюрьме, а мое высокое положение и изворотливость помогут мне выйти сухим из воды». Нужно было во что бы то ни стало повидать их и заставить держать язык за зубами. И я отправился прямо в пасть льва – в тюрьму! Как член городского совета я мог входить в любое учреждение, но на этот раз свидание с арестованными воспрещалось всем категорически.

Весь день я провел в мучительных сомнениях, а к вечеру наскоро собрался и

пустился в бег. И вовремя: моих поделников прижали хорошенько, и они назвали имя предводителя: «Декан Броди и есть главный злодей!» Им сначала не поверили, но после обыска у меня дома, когда обнаружили потайной фонарь, отмычки, маску и кое-что из награбленного, сомнений ни у кого не оставалось. Эдинбургцы, вся Шотландия и Англия пережили потрясение, привычный мир словно опрокинулся с ног на голову.

Я был уже в Лондоне, когда вышли газеты с моим портретом и подробным описанием примет. Все же мне удалось сесть на корабль и отплыть в Голландию. Житье мое в городе Остенде было самое плачевное: я снимал тесную комнатку над пивной, в кармане две гинеи, и весь мой гардероб на мне. Я писал кузену и друзьям с просьбой выслать денег.

Однако пассажиры на корабле узнали меня и сообщили английским властям. Мои письма были перехвачены, установлен мой адрес. Англичане запросили голландцев о выдаче, и, в конце концов, я был арестован и отправлен в тюрьму Эдинбурга.

Суд начался 27 августа 1788 года. Зал заседаний был набит битком, площадь перед зданием суда запружена толпой народа, для поддержания порядка на помощь полицейским был прислан пехотный полк. Меня судили сплошь одни лорды, а возглавлял суд лорд Браксфилд, прозванный «судьей-вешателем». Я знал, что пощады мне не будет, но оделся щеголем и держался молодцом. Мой адвокат Генри Эрскин, лучший в городе, вился ужом, цеплялся к каждому слову обвинителя; моя верная любовница Энни Грант пыталась составить мне алиби; но все попытки защиты провалились. Улики и признания сообщников были неопровержимы. Судей особенно возмущало то, что я, человек из высшего общества, предал идеалы добродетельности, опорочил имя джентльмена. Лорда Браксфилда особенно возмутило, что я отправился на последнее дело в отцовском парике. Чудак! Да я бы надел и его судейский парик, не будь он так приметен!.. В общем, меня и Смита приговорили к повешению, Эйнсли – к каторжным работам, а предатель Браун получил прощение.

В камере смертников я был прикован цепью к стене, правда, достаточно длинной, чтобы я мог садиться к столу и писать письма. Я разослал их во множестве, в том числе влиятельным господам, но никто не вступился за меня. Время тянулось томительно, от скуки я расчертил пол на клетки и играл в шашки – правая рука против левой.

В ночь перед казнью мне мешали уснуть плотники, стучавшие молотками – они готовили виселицу. Она была, можно сказать, чудом техники: платформа эшафота опускалась, и палачу даже не требовалось выбивать скамью из-под осужденного, он сам собою оказывался повешенным. По странному стечению обстоятельств я чуть не оказался строителем этой смертельной машины, но в тот год деканом был мой конкурент, поэтому он и перехватил городской заказ на строительство виселицы.

Утром первого октября я написал письмо судье: «Милорд! Прошу дозволения, чтобы мое тело сразу после казни было передано моим друзьям для погребения и ни в коем случае не оставалось в тюрьме. Прошу удовлетворить мою предсмертную просьбу». Почему я просил об этом «вешателя», спросите вы?

Когда надеяться уже не на что, остается еще вера в чудо. В Эдинбурге практиковал тогда французский врач Дегравер, обещавший исцеления от любых недугов. Он уверял, что знает тайные места на теле человека, где нужно сделать надрезы, и его искусное кровопускание оживит даже только что скончавшегося. Многие считали его шарлатаном, но кое-кто верил. Я пригласил Дегравера к себе в камеру смертников. Он убедил меня в том, что спасение возможно, и привел известный случай с повешенной Мэгги Диксон – ее сразу вынули из петли, положили в телегу и увезли, а по дороге от тряски она очнулась. Так она осталась жива и свободна – у нас, как известно, дважды не казнят.

Днем, перед самой казнью, я был в добром расположении духа и даже насвистывал мелодию из «Оперы нище-

го». Площадь вокруг эшафота была заполнена людьми, говорили, что собралось тысяч сорок. Судьи явились в мантиях, офицеры в парадных мундирах, ну и я – краше всех. Непрерывно звонил колокол. Я сам распустил шелковый галстук и надел пенковый. Что-то не заладилось в механизме, и рабочие полезли под пол чинить. Я заметил в толпе знакомых и успел переброситься с ними парой острот по этому поводу. Наконец, платформа пошла вниз, а я вверх...»

Стивенсон хотел спросить, что же произошло потом, но его душил кашель, на платке, приложенном к губам, показалась кровь. Все плыло перед глазами, незнакомец таял и удалялся. Теряя сознание, Стивенсон услышал – или ему пригрезилось? – последние слова:

«Я не Лазарь, а Дегравер не господь бог... Разве что вы, сэр, силой своей фантазии воскресите меня. Может быть, в другом обличье...»

Иногда Броди возвращаются

После казни Уильяма Броди минуло без малого сто лет, его подлинная история была почти забыта. С тех пор на свет явилось много еще более жестоких и дерзких преступников. Но вот легенда о джентльмене-оборотне продолжала жить, обрстая все новыми подробностями. Говорили, например, что врач-иностранец вставил в горло Броди серебряную трубку, благодаря чему повешенный выжил, и его видели там и тут...

Образ таинственного Броди тревожил воображение Роберта Льюиса Стивенсона, как и все детские страхи болезненного ребенка. Он часто вспоминал рассказ странного незнакомца в эдинбургской таверне. И, может быть, ему давно следовало бы изобразить Броди в каком-либо произведении, чтобы выплеснуть его из подсознания. А тут как раз подвернулся случай. Друг и соавтор Стивенсона – Уильям Хенли – предложил:

– Давай напишем пьесу о Броди. Это то, что нужно сегодня для театра!

У Стивенсона были в это время другие замыслы, но Хенли не отставал.

– Я ручаюсь за успех! Мы назовем пьесу «Декан Броди, или Двойная жизнь». А? Каково?

Стивенсон согласился через силу. Может быть, поэтому пьеса вышла поверхностная, без внутреннего огня. И все-таки ее поставили в Лондоне и в Америке, чего не скажешь о других совместных с Хенли творениях.

Однако Стивенсон так и не выдал из себя Броди. Ни капли.

Прошло еще несколько лет. Стивенсону исполнилось тридцать пять, он уже десять лет был известным писателем, автором «Острова сокровищ», но все еще не мог заработать на жизнь литературным трудом, зависел от старого отца. Суровый пуританин, отец осуждал взгляды и образ жизни сына и фактически лишил его наследства.

Именно в этот период здоровье Стивенсона значительно ухудшилось, после приступа кровотечения он лежал в постели с подвязанной рукой, полуослепший, но и в эти минуты, утверждал, что «счастлив, как король».

А тут еще несправедливая и бестактная статья талантливого в общем-то критика Уильяма Арчера. Тот считал, что оптимизм Стивенсона, его увлечение приключениями и романтикой – наигранное жизненное тяжёлое человека, своего рода бегство от реальных проблем, в том числе от собственного недуга. К тому же статья была написана в ироническом тоне; автор как бы подчеркивал таким образом неискренность Стивенсона.

Писатель никогда не отвечал на нападки критиков, но на этот раз написал Арчеру: «Если вы знали, что я хронический больной, зачем говорить, что моя философия не подходит человеку в таком положении?»

В такие моменты руки опускаются. А между тем денег не было, издатели требовали срочно написать «что-нибудь поинтереснее».

И вот ночью Стивенсон увидел странный и страшный сон. Ему и прежде являлись видения не только во сне, но и наяву. Например, когда он придумал и нарисовал карту Острова сокровищ, чтобы чем-то

занять пасынка Ллойда, – сквозь очертания острова вдруг проступили названия глав будущей повести. Бывало, он видел во сне что-то вроде кукольного театра: маленькие человечки двигались, говорили, разыгрывали какую-то мистерию. Часто эти сны воплощались в рассказы Стивенсона.

На этот раз писатель увидел сумеречный туманный город, освещенный редкими тусклыми фонарями. По улице шел пожилой джентльмен, прохожие почтительно раскланивались с ним. Вдруг джентльмен принял какое-то снадобье и на глазах стал превращаться в уродливого карлика. В его облике проявилось нечто дьявольское, и прохожие в ужасе бросались прочь от него. Казалось, сейчас это существо совершит что-то жуткое...

Стивенсон метался и стонал, шептал в бреду:

– Печать зла... Остановите его... Это Броди!

Жена Фанни разбудила его, утерла горячий пот, попыталась успокоить мужа. Обычно Стивенсон был благодарен жене, когда она прерывала кошмарный сон, но теперь упрекнул ее:

– Ты не дала мне досмотреть, может быть, лучший сюжет в моей жизни!

Однако утром он впервые за несколько месяцев покинул постель, был весел и воодушевлен. Вдохновение – лучший врач для писателя. Стивенсон задумал «повесть ужасов», немного в духе бульварных романов, как он полагал. То-то издатель будет доволен!

Через три дня он уже читал готовый текст Фанни и Ллойду. В этом сочинении злодей Джекил с помощью чудодейственного порошка полностью изменял свой облик, превращался в отвратительного Хайда. Благодаря своему двойнику герой безнаказанно творил злодеяния и ловко уходил от преследователей. Стивенсон читал с упоением, он был очень доволен своим сочинением.

– Ну, что скажешь? – спросил он Фанни. Он читал ей все свои произведения и ценил ее меткие суждения.

– Занимательно, – сказала она. – Но я ожидала большего. Мне кажется, эта вещь достойна стать не просто фантастическим детективом, но и притчей о добре и зле.

– Ну, знаешь ли! – вспыхнул Стивенсон. – Ты умеешь извлекать мрак даже из солнечного луча!..

Он выбежал из комнаты. Фанни слышала, как он ходит туда-сюда по кабинету. Через несколько минут послышались приближающиеся шаги. Стивенсон вошел и с порога заявил:

– Ты права! – и швырнул рукопись в пылающий камин.

Фанни вскрикнула, бросилась к камину спасать бумаги, но писатель остановил ее.

– Не надо. Я теперь знаю, о чем эта повесть.

Из бездны

Еще через три дня новый вариант был окончен. Так появилась «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Обстоятельства его рождения тоже сделались впоследствии литературной легендой – так стремительно она создавалась. В частности, все первые слушатели значительно расходились в оценке времени создания и объема текста. Фанни и Ллойд говорили о трех днях, а сам Стивенсон утверждал, что работал над повестью больше двух месяцев. Кто из них был прав? Очевидно, их внутреннее время текло неравномерно, и для писателя, возможно, в три дня уложился значительный период жизни, наполненный множеством душевных событий и переживаний. Много лет Стивенсон интуитивно искал метод изобразить человека, в котором уживаются

ФОТОБАНК/GETTY IMAGES

Афиша голливудского фильма «Доктор Джекил и мистер Хайд», 1941 год

два разных индивида, но до сих пор это ему не удавалось. Пока он не решил сделать этих «двух в одном» носителями противоположных качеств, приверженцами добра и зла. Вероятно, если бы он писал в сугубо реалистической манере, то впал бы в резонерство. Но Стивенсон привнес элемент фантастики, поместил своих героев в ирреальную обстановку туманного Лондона, – и все сложилось в цельную картину.

Тема двойника, раздвоения личности не впервые возникла в литературе. Ведь и мрачные легенды про оборотней сродни истории Джекила и Хайда. До Стивенсона приступали к этой теме Э.-Т.-А. Гофман в романе «Эликсиры дьявола» и Эдгар По в рассказе «Вильям Вильямсон». Но Стивенсон первым поставил философский, нравственный вопрос выше интригующего сюжета и фантастического снадобья, он предложил каждому читателю задуматься: а в какой точке между Джекилом и Хайдом находишься ты?

Все это Стивенсон изложил не заумными фразами, а простым и ясным языком, без художественных изысков; стиль описания событий почти документален. В то же время он сумел отобразить саму атмосферу Лондона – города рационального и мистического одновременно: «Было уже около девяти часов утра, и город окутывал первый осенний туман. Небо было скрыто непроницаемым, шоколадного цвета пологом, но ветер гнал и кружил эти колышущиеся пары...»

В январе 1886 года на прилавках книжных магазинов появилась неброская книжечка в сто сорок девять страниц и поначалу не вызвала особого интереса. Но вот лондонская «Таймс» поместила хвалебную рецензию, и тираж разошелся мгновенно. Последовали новые издания в Англии и Америке. «Джекил и Хайд» сделали, наконец, Стивенсона знаменитым и успешным писателем.

Конечно, критики и на этот раз обратили внимание на некоторые недочеты в повести. Но автор уже не принимал их упреки близко к сердцу и только отшучивался:

– Публике нравится, когда книга любого жанра написана слегка небрежно; сделайте ее немного растянутой, немного вялой, немного туманной и бессвязной, и наша милая публика будет в восторге.

Стивенсон отчасти лукавил. Он никогда не писал небрежно, растянуто, вяло и бессвязно. Он неизменно обращался не к «милой публике», а к другу-читателю.

Хороший писатель всегда проводец. Время выявляет в лучших книгах новые смыслы. Сегодня вполне respectable-ные господа вроде доктора Джекила изобрели множество снадобий, доставляющих человеку неописуемые удовольствия; их глотают, колют, вдыхают – и теряют человеческий облик. Ради них идут на самые страшные преступления. Эти препараты, как и в книге Стивенсона, – билет в один конец. Нет пока эликсира жизни, способного вернуть Хайда в человеческое состояние.

Восстать из бездны может только сам падший.

■ Аврора ПОТЕМКИНА

Публикация 2008 года

Еще несколько дней – и мы были бы уже в океане, вне опасности. Но все-таки реклама взяла свое. Мы не выдержали и отведали этого напитка. Можем сказать совершенно чистосердечно: да, «Кока-кола» действительно освежает гортань, возбуждает нервы, целительна для пошатнувшегося здоровья, смягчает душевные муки и делает человека гениальным, как Лев Толстой. Попробуй мы не сказать так, если это вбивали нам в голову три месяца, каждый день, каждый час и каждую минуту!

Ильф и Петров.
Одноэтажная Америка

Не ходите, дети, в школу,
Пейте, дети, кока-колу,
Покупайте пистолеты
И свинцовые кастеты!

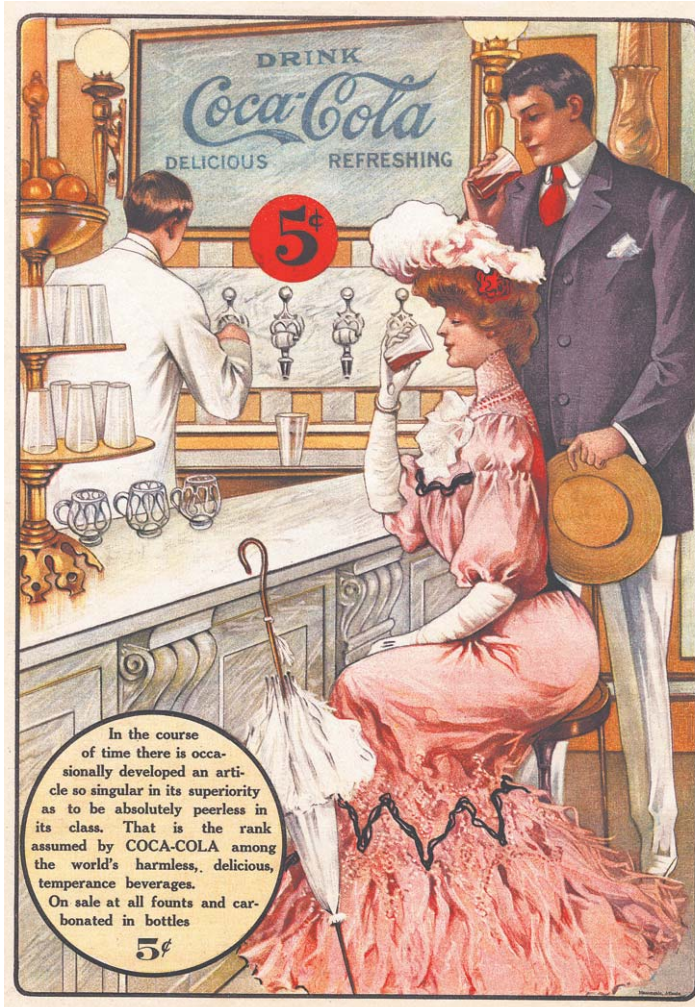
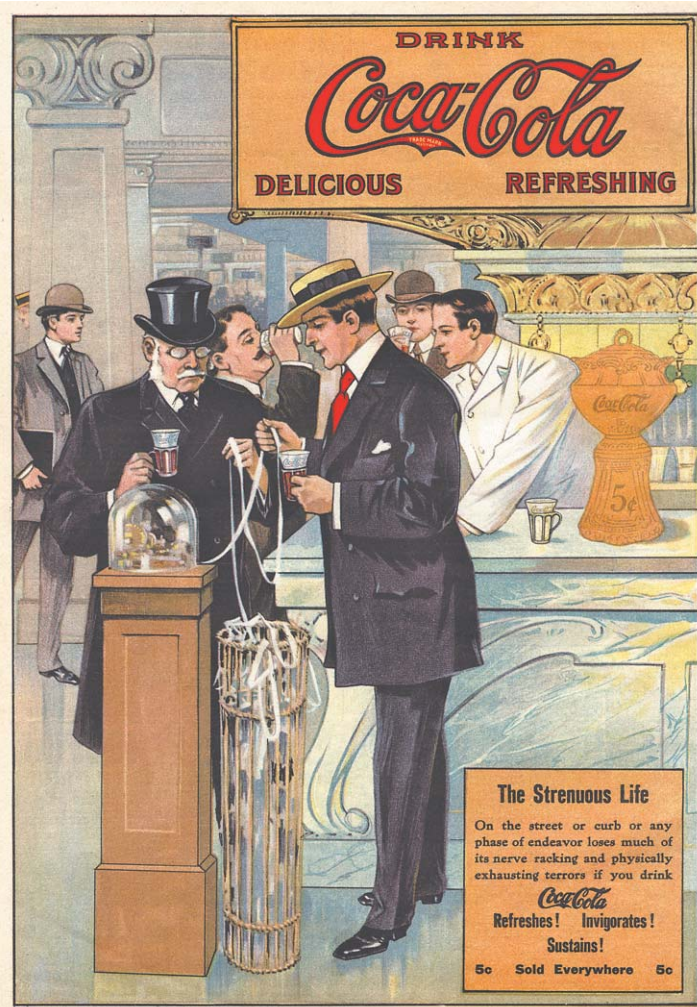
Советский детский фольклор

23 мая 2008 года федеральный окружной суд в Атланте, штат Джорджия, приговорил бывшую сотрудницу компании Coca-Cola Джойю Уильямс к восьми годам лишения свободы за попытку похитить и продать коммерческую тайну.

Как установило предварительное следствие, 42-летняя Уильямс, занимавшая должность секретаря директора по глобальным операциям в штаб-квартире «Кока-Колы» в Атланте, в сговоре с двумя ранее судимыми сообщниками-мужчинами предложила свой товар конкуренту «Кока-Колы» – компании PepsiCo Inc. Предложение было сделано в письменном виде; послание написал один из сообщников Уильямс. Речь шла о новых продуктах, которые должны были поступить на рынок – заговорщики предлагали техническую документацию и образцы напитков и интересовались, какую сумму Pepsi готова за них заплатить.

Из пены

ЗА ПОПЫТКУ ПОХИТИТЬ СЕКРЕТ КОКА-КОЛЫ СОТРУДНИЦА АМЕРИКАНСКОЙ ФИРМЫ ОСУЖДЕНА НА ВОСЕМЬ ЛЕТ ТЮРЬМЫ. ТАКОЕ В ИСТОРИИ ЗНАМЕНИТОГО НАПИТКА СЛУЧАЕТСЯ НЕ ВПЕРВЫЕ. А СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СЕКРЕТ?

Кока-кола появилась в 1886 году и сразу же завоевала популярность.

На фото: рекламные плакаты 1900-х годов. На верхнем фото: Джойя Уильямс, торговавшая секретами фирмы

к 4000 долларов штрафа в возмещение ущерба, хотя какой ущерб потерпела компания Coca-Cola, понять трудно.

Юристы «Кока-Колы» на протяжении процесса отказались удовлетворить ходатайство защиты о приобщении к делу похищенных документов, ссылаясь все на ту же коммерческую тайну, и требовали от судьи запретить присяжным разглашение оной.

Кто же это нахимичил?

Подчеркнем: речь не идет о той самой главной великой буржуинской тайне, которая, по преданию, известна лишь двум людям во всей компании, – о точном рецепте приготовления кока-колы, хранящемся под семью замками в банковском сейфе. Впрочем, по порядку.

Обычно рассказ об изобретении кока-колы начинают с химика-любителя Пембертона. Но мы начнем несколько раньше.

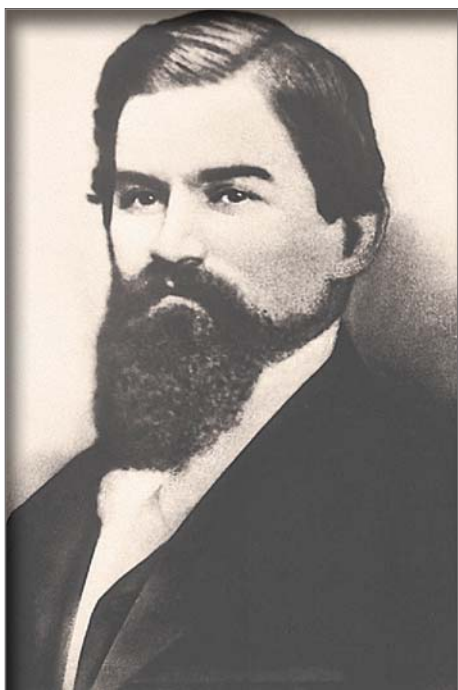
Прародителем бодрящего газированного напитка был Джозеф Пристли (1733-1804) – английский священник, богослов и естествоиспытатель. Свои главные открытия он совершил в химии, в первую очередь в области химии газов. Именно Пристли открыл (независимо от Лавуазье) кислород и фотосинтез, первым получил в чистом виде аммиак, хлористый водород, фтористый кремний, сернистый газ, окись углерода. Ему же принадлежит заслуга открытия углекислого газа.

Рядом с домом преподобного Джозефа Пристли близ Лидса находилась пивоварня, куда он заходил по соседству обмениваться новостями и наблюдать за технологическим процессом. Его за-

интересовали мелкие пузырьки, выделяющиеся при брожении пива. Он еще не догадывался, что газ внутри пузырьков – тот самый «связанный воздух», который в 1754 году открыл шотландский химик Джозеф Блэк при нагревании белой магнезии (углекислого магния). Для начала Пристли взял в руку зажженную свечу и протянул ее над чаном. Газ, исходящий от бродившего пива, потушил свечу, причем по движению дыма, который стелился по полу, Пристли понял, что газ этот тяжелее воздуха.

Пристли пришло в голову, что «связанным воздухом» можно газировать воду. Минеральная газированная вода из естественных источников и ее благотворное воздействие на организм человечеству были известны с древнейших времен, но готовить такой напиток из обычной воды никто не умел. Согласно одной из распространенных в то время теорий, «связанный воздух» обладал антисептическими свойствами, и это объясняло благотворное воздействие минеральных вод на организм.

После множества экспериментов Пристли добился успеха и впервые сообщил о нем научному сообществу в 1766 году. В 1772 году он представил свое изобретение Лондонскому королевскому обществу развития знаний о природе (аналог Академии наук). Его прибор состоял из двух сосудов, в одном из которых происходила химическая реакция с выделением большого количества углекислого газа, откуда газ поступал в бутылку, наполненную водой. Академики пришли в восторг. Пристли был удостоен высшей награды общества – медали Копли, с присвоением 5000 фунтов премии.

JOHN VAN HASSELT/CORBIS SYGMA/RPG

время в Москве даже продавались бутылки с гордой надписью «Содовая» на этикетке.

Вплоть до начала XIX века содовая вода потреблялась исключительно в лечебных целях, хотя, конечно, по сравнению с натуральными минеральными водами ее медицинский эффект ничтожен.

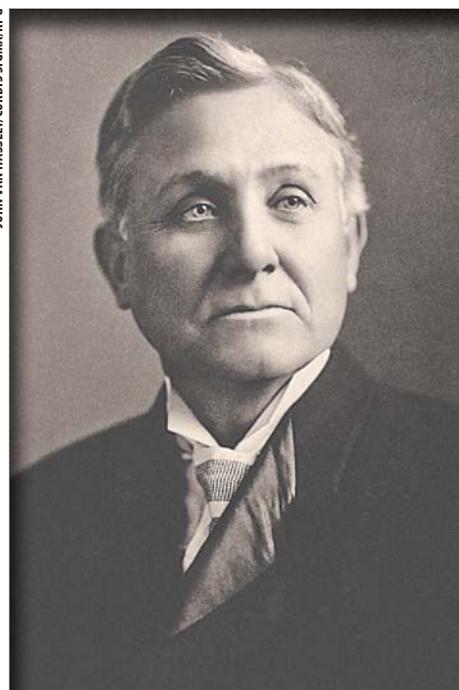
Сцена у фонтанчика

Не дремали и по ту сторону океана. Знаменитый филаделфийский врач Бенджамин Раш исследовал свойства минеральных вод Пенсильвании и результаты доложил на заседании Американского философского общества в 1773 году. Живое интересовались водами два других естествоиспытателя-любителя, будущие президенты Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон. Наибольшей известностью пользовались в те годы источники в Саратоге, штат Нью-Йорк. В 1783 году там побывал

что эти сведения не вполне корректны: бутылка остается целой, но газы из нее выходят сквозь пробку, даже запечатанную воском.

Начало коммерческому производству содовой воды в Америке положил химик Бенджамин Силлиман. В 1805 году он получил впервые учрежденную в Йельском университете должность профессора химии и отправился в Европу для закупки необходимой литературы и лабораторного оборудования. Оказавшись в Англии, профессор Силлиман был поражен популярностью воды Schweppes. Вернувшись домой, он стал газировать воду и дарить бутылки освежающего напитка друзьям. В самое короткое время спрос значительно превысил предложение. Силлиман в итоге решил основать собственный бизнес и открыл большое предприятие.

Другим путем пошел Джозеф Хаукинз из Филадельфии. Он отказался от разлива воды в бутылки и устроил продажу

JOHN VAN HASSELT/CORBIS SYGMA/RPG

Основатель компании «Кока-кола» Айс Кэндлер (вверху), создатель бодрящего напитка Джон Пембертон (слева вверху) и служащие компании (фото 1898 года)

Однако годом раньше шведский химик и минеролог Торнберн Бергман самостоятельно нашел тот же способ выделения углекислого газа – посредством реакции мела и соляной кислоты. Но он не смог найти своему изобретению практическое применение. Одного из своих студентов (Бергман преподавал в Упсальском университете) он подбил открыть маленькое производство, но технология не оправдала себя: единственная работница в течение часа наполняла лишь три бутылки.

А Пристли и не сделал никакой попытки заработать на своем открытии. Считалось, что газированная вода будет эффективным средством против цинги – Англия была могучей морской державой, и для нее цинга была проблемой стратегической. Но эти надежды не оправдались – они были основаны на ложном понимании природы болезни.

Более энергичным дельцом оказался манчестерский аптекарь Томас Генри, который придумал газировальный аппарат высокой производительности и первым начал продавать газированную воду где-то в начале 1770-х, причем рекламировал ее как прекрасное средство от сыпного тифа, дизентерии и разлития желчи. Неизвестно, помогла ли вода пациентам, но успехом она пользовалась – не в последнюю очередь благодаря тому, что Томас Генри рекомендовал употреблять ее с лимонадом. Фактически этот удачный коммерческий ход и положил начало индустрии сладких безалкогольных напитков.

Но по-настоящему серьезный коммерческий успех на ниве производства газированной воды снискал немец Йоган-Якоб Швепп. Он не был ни химиком, ни аптекарем. Он был часовщиком и серебряных дел мастером, этот выходец из Гессена. В то время многие пытались найти дешевый способ массового производства газированных напитков. Удача улыбнулась Швеппу. Женеvский механик Николя Поль придумал такую технологию, а Швепп финансировал его работы. В 1783 году Швепп запатентовал технологию в Англии и в 1790 году открыл фабрику, чья продукция известна ныне под торговой маркой Schweppes. С Полем Швепп разругался, и тот после раздела капиталов основал конкурирующую фирму. Однако конкуренции не выдержал: Швепп выпускал слабогазированную воду, и это больше соответствовало вкусам англичан; на воду Поля в английских журналах рисовали карикатуры – как пьющие ее люди надуваются и взлетают наподобие воздушных шаров.

Поскольку при изготовлении напитка использовался гидрокарбонат натрия (sodium bicarbonate или просто soda по-английски), то и сам напиток стали называть и поныне называют «сода». «Содовая» – переводили это слово советские переводчики, незнакомые с заграничными реалиями, а возможно, им казалось, что «газировка» звучит слишком банально. Пожалуй, на газировку обиделись бы любители Дос Пассоса и Хэмингуэя, герои которых почем зря глутят виски с содовой. Помнится, одно

JOHN VAN HASSELT/CORBIS SYGMA/RPG

Пембертон и Кэндлер разругались. Было непонятно, кто владеет бизнесом и кому какая доля принадлежит. В итоге в Атланте появилось целых три фирмы-производителя плюс аптекари-акционеры, считавшие себя совладельцами торгового знака.

Джордж Вашингтон и впоследствии проявлял интерес к промышленному производству воды в бутылках. Один из его друзей, исследовавший вопрос, писал ему, что, по словам местных жителей, разлив в стеклянную тару невозможен, так как газы разрывают закупоренную бутылку. Эксперимент показал,

целебной влаги прямо вблизи источника. Для этого он проложил трубы, по которым закачивал воду в резервуары в виде деревянных колонок с краником на макушке. Повернув кран, страдающий получал толику напитка. По-русски это устройство называется фонтанчик для питья.

Хаукинз запатентовал свое изобретение в 1809 году, но широкого распространения идея потребления минеральной воды на месте не получила. Зато аптекари оценили его в полной мере: в конце 20-х годов позапрошлого века фонтанчик Хаукинза стал непременным атрибутом американской аптеки. Воду продавали в разлив безо всяких бутылок. Именно благодаря фонтанчику аптеки превратились в нечто среднее между клубом и кафе. Воду стали пить не только ради здоровья, но и для удовольствия. Аптекари предлагали к воде фруктовые сиропы, мороженое и свежие газеты. Дело пошло. Оставалось изобрести сатуратор – аппарат для насыщения воды углекислотой в момент разлива. Это произошло гораздо позднее, в начале XX века, когда фармацевт из Индианы Джекоб Баур придумал способ производства углекислого газа в контейнерах.

Но до этого была изобретена кока-кола.

Королевский наследник

История кока-колы мифологизирована, как история почти всякого изобретения. Официальная версия гласит, что создатель напитка, химик и фармацевт Джон Стит Пембертон из Атланты, штат Джорджия, в 1886 году в поисках болеутоляющего средства чуть ли не наобум смешал в трехном медном чайнике разные вещества и по чистой случайности получил густой сироп цвета карамели.

Эта легенда нуждается в обширных дополнениях.

Джон Стит Пембертон не был химиком. Он, правда, получил кое-какое медицинское образование и был знаком с фармакопеей. Но врачом или провизором он тоже не был. Он был изготовителем и торговцем готовыми лекарствами – теми, что продаются без рецепта врача. По-английски они называются patent

▶ **medicine**, по-русски – «патентованное средство». Это отнюдь не означает, что микстура защищена патентом. Вспомним хотя бы чудный диалог короля и герцога из «Приключений Гекльберри Финна»:

« – По ремеслу я наборщик; случается, торгую патентованными лекарствами, выступаю на сцене – я, знаете ли, трагик; при случае занимаюсь внушением мыслей, угадываю характер по руке, для разнообразия даю уроки пения и географии; бывает, и лекцию прочту – да мало ли что еще! Берусь за все, что ни подвернется, лишь бы не работать. А вы по какой части?»

– В свое время я много занимался врачеванием. Исцелял возложением рук паралич, раковые опухоли и прочее – это мне всего лучше удавалось; могу недурно гадать, если разузнаю от кого-нибудь всю подноготную. Проповедую тоже, обращаю в христианство; ну и молитвенные собрания по моей части».

Иными словами, патентованное средство – не что иное, как шарлатанское снадобье, чудодейственная панацея, какими американский рынок был завален в середине позапрошлого века. Законом этот рынок никак не регулировался, стоили эти псевдолекарства гораздо дешевле настоящих и рекламировались отчаянно. Все эти бесчисленные пилюли, бальзамы, порошки и мази были в лучшем случае безвредны, многие содержали кофеин, опиум или морфий. Их производство обходилось в копейки. Чаше всего шарлатан едва окупал затраты, но в случае удачи мог неожиданно озолотиться. Коммерческий расчет строился на том, что настоящая медицина отнюдь не всесильна, а псевдолекарства помогают, дескать, от всех недугов разом. Для пущей важности аптекари-шарлатаны включали в состав своих снадобий какой-нибудь экзотический ингредиент, ссылались на древние рецепты индейцев, инков или эскимосов, давали им пышные заковыристые названия.

Именно торговля патентованными средствами породила такие обязательные элементы рекламной кампании, как товарный знак и броский слоган. Продавались эти медикаменты посредством публикации объявлений в газетах, которым и в голову не приходило проверять достоверность сообщаемых сведений о чудесных свойствах пилюль. Именно эти объявления приносили издателям газет главный доход, именно они способствовали процветанию и расширению американского газетного бизнеса.

Джон Стит Пембертон был как раз таким торговцем патентованными средствами. Дела его шли ни шатко ни валко, покуда он не заинтересовался новым веществом, появившимся в фармацевтике, – кокой. Тонизирующий эффект листьев коки был известен давно. В 1855 году удалось выделить из листьев кокаин, с которым сразу же начали экспериментировать медики, надеясь прежде всего применить его для излечения наркотической зависимости от опиума (они не знали, что кокаин порождает такую же зависимость). Пембертон внимательно следил за публикациями в медицинских журналах на эту тему и наконец создал эликсир под названием Pemberton's French Wine Coca, в состав которого входил кокаин.

Напиток был разновидностью так называемого Vin Mariani – «вина Мариани», изобретения химика корсиканца Анджело Мариани, который настаивал бордо на листьях коки. Напиток имел бешеную популярность. О нем с восторгом отзывались не только Конан Дойл, Александр Дюма, Анатолий Франс и Жюль Верн, но и королева Виктория и даже Папы Римские Пий X и Лев XIII.

Новинкой, которую применил Пембертон, создавая свое «французское вино с кокой» (разумеется, из местного вина), был экстракт орехов колы. Кола – дерево семейства мальвовых, произрастающее в Западной Африке. Орехами называются его семена, содержащие около 2,5 процента кофеина. Пембертон выбросил на рынок свой продукт в 1884 году, и дело вроде пошло на лад. Но в 1885-м его ждал

новый подвох судьбы: город Атланта и графство Фултон, на территории которого он расположен, приняли сухой закон. Пембертону пришлось спешно принимать меры.

Он вернулся в лабораторию и начал создавать безалкогольный напиток, смешивая в различных пропорциях экстракты коки и колы и заглушая горечь обоих главных ингредиентов жженым сахаром. Наконец он добился как будто недурного результата и отправил на пробу первую партию сиропа, который надлежало разбавлять минеральной водой, в близлежащую аптеку. Название

Объединившись с Робинсоном, он по-прежнему скупил все акции за исключением пакета, принадлежавшего Пембертону. Точку поставила смерть Джона Пембертона – в августе 1888 года он скончался от рака желудка. Айс Кэндлер устроил ему пышные похороны, пригласив всех аптек и фармацевтов города, и произнес перед ними прочувствованную речь, в которой назвал себя лучшим другом покойного. Это была отчаянная ложь. Но бизнес поставил на ноги именно Айс Кэндлер.

Кэндлер продолжил и расширил агрессивную рекламную кампанию. Он

Умер Эрл Дин в 1972 году, не получив и малой толики от прибыли, заработанных его бутылкой.

Merchandise 7X

Ну а как же знаменитый секрет кока-колы, коммерческая тайна, которую компания будто бы хранит как зеницу ока и о раскрытии которой время от времени оповещают мир конкуренты? Существует она или нет?

И да, и нет.

Популярная легенда гласит, что точная формула сиропа известна лишь двум

Трое обвиняемых в зале суда в июле 2006 года, когда процесс по их делу только начинался. Злоумышленников изобличили в результате «операции-западни»

сиропа придумал, вернее, составил из двух слов, партнер Пембертона Фрэнк Робинсон. Он же, обладая каллиграфическим почерком, изготовил всем известный логотип. Рекламного эффекта ради ему пришлось заменить букву «k» в слове kola на «c».

Успех из бутылки

Появление в продаже кока-колы совпало со вступлением в силу сухого закона, а это произошло, что немаловажно, 1 июля 1886 года, то есть посреди лета, особенно жаркого в Джорджии, когда жажда и стар и млад. Новый напиток рекламировался не только как прекрасное освежающее питье, но и как средство, «тонизирующее головной мозг, как рукой снимающее головную боль, невралгию, истерию, меланхолию и т. д.» Робинсон, которому Пембертон предоставил заботы о рекламе, не ограничился газетными объявлениями. Он рассылал по почте купоны на один бесплатный стакан кока-колы, размещал рекламные баннеры на трамваях и стенах домов. В итоге популярность нового напитка превзошла самые смелые ожидания. В разгар летнего сезона компания продавала около 200 галлонов, или 25 тысяч стаканов кока-колы в месяц. Когда в ноябре 1887 года избиратели Атланты признали сухой закон неудачным экспериментом и отменили его, кока-кола заняла прочные позиции на местном рынке.

Между тем компаньоны запутались и разругались. Оказалось непонятно, кто владеет бизнесом и кому какая доля принадлежит. Акции компании Pemberton Chemical продавались и перепродавались, некоторые сделки Пембертон совершил без ведома Робинсона. В итоге в Атланте появилось целых три фирмы-производителя плюс аптекари-акционеры, считавшие себя совладельцами торгового знака. Порядком навел Айс Кэндлер, еще один торговец патентованными средствами.

нанял целую армию коммивояжеров, которые развозили сироп по соседним штатам. Немало способствовало распространению кока-колы и географическое положение Атланты – это был крупнейший железнодорожный узел юга страны. Бизнес был высокодоходным: стакан кока-колы стоил потребителю пять центов, одна порция сиропа обходилась продавцу в один цент, а производителю – в три четверти цента.

Первоначально компания производила исключительно сироп. Кэндлеру не нравилась идея разлива кока-колы в бутылки. Он опасался, что продукт испортится на складах. Поэтому, когда в 1899 году к нему обратились двое предпринимателей с предложением предоставить им право продажи напитка в стеклянной таре, он легко согласился и даже не взял с них денег – просто стал продавать им сироп на тех же условиях, что и всем прочим. Но идея оказалась в высшей степени прибыльной. Кока-колу в бутылках можно было продавать в бакалейных лавках. Именно в таком виде она завоевала Америку. Бутылка же особой, характерной пузатой формы впервые появилась в 1916 году и была зарегистрирована как товарный знак Coca-Cola.

Здесь, кстати, не обошлось без недоразумения. Заказ на разработку уникального дизайна бутылки получила чикагская стеклодувная компания Root Glass. Художник Эрл Дин решил создать сосуд, напоминающий очертаниями лист либо коки, либо колы, но не знал, как они выглядят. В библиотеке не нашлось ни одного изображения искомым растений, и тогда Дин срисовал картинку стручка какао, понравившегося ему своим силуэтом. За это произведение стеклодувного искусства Дину была предложена на выбор одна из двух наград: премия в 500 долларов или пожизненный контракт. Дин выбрал второе. Но в середине 30-х годов прошлого века компания Root Glass прекратила свое существование, и ему пришлось искать другую работу.

старшим менеджерам компании, причем каждый знает только половину формулы. Единственный экземпляр полной формулы хранится в сейфе отделения банка Sun Trust в Атланте.

Бумага с формулой действительно существует. В свое время она хранилась в нью-йоркском банке в качестве обеспечения кредита, предоставленного на закупку партии сахара. В 1925 году тогдашний владелец компании Эрнест Вудрафф расплатился с банком и получил назад свою формулу, поместив ее в своем личном депозитном сейфе в Атланте. Отсюда и пошла легенда о секретной формуле. Судя по всему, уже после того, как она достигла Вудраффа, он решил поддержать молву и издал строгие приказы об охране коммерческой тайны.

Правила, действующие и поныне, гласят, что сотрудник компании может ознакомиться с формулой только по письменному разрешению совета директоров и только в присутствии президента, председателя или секретаря совета. Одновременно формулу могут знать не более двух человек, личности которых тоже составляют коммерческую тайну. Об этих строгих мерах компания поставила в известность прессу и тем самым усугубила ажиотаж. Главный секрет, если верить компании – не набор ингредиентов, а их точная пропорция, а также загадочный компонент под кодовым названием Merchandise 7X.

Совершенно очевидно, что легенда о секретной формуле – не более чем ловкий рекламный трюк. Современная химия способна раскрывать и не такие тайны. Состав кока-колы не раз публиковался, однако компания неизменно заявляет, что рецепт неправильный. На самом деле секрет успеха компании – в торговом знаке. Сделать кока-колу несложно. Сложно продать напиток под этим именем.

BETTMANN/CORBIS/RFK

Мафия Все-таки бессмертна

30 МАЯ 2007 В СЕМЬ ЧАСОВ УТРА В ДОМ ДЭНИЭЛА (ДЭННИ) ЛЕО ПО ПРОЗВИЩУ «ЛЕВ» ЯВИЛИСЬ ВООРУЖЕННЫЕ АГЕНТЫ ФБР С НАРУЧНИКАМИ И ОРДЕРОМ НА АРЕСТ. ДЭННИ ЛЕО ИМЕЕТ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО В ШТАТЕ НЬЮ-ДЖЕРСИ, В ПРЕСТИЖНЕЙШЕМ И ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОМ ГОРОДИШКЕ РОКЛИ. А ОСНОВНОЕ ЕГО «МЕСТО РАБОТЫ» — ГОРОД НЬЮ-ЙОРК, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ГУДЗОНА. ДЭННИ ЛЕО НАЗЫВАЮТ ГЛАВОЙ ПРЕСТУПНОГО КЛАНА ДЖЕНОВЕЗЕ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2007 года

Несмотря на ранний час, 66-летний хозяин дома был уже на ногах. В белоснежной рубашке, таких же брюках и туфлях он прогуливался по саду своего особняка и без лишних препирательств позволил себя отконвоировать в здание федерального окружного суда, где ему было предъявлено обвинение в четырех эпизодах вымогательства. На американском юридическом жаргоне этот вид преступления называется *loan sharking* — «акулий кредит»: мафия ссужает деньги на короткий срок и под грабительский процент; если долг не возвращается вовремя, должника «ставят на счетчик» со всеми вытекающими последствиями вплоть до раскаленного утюга на пузе.

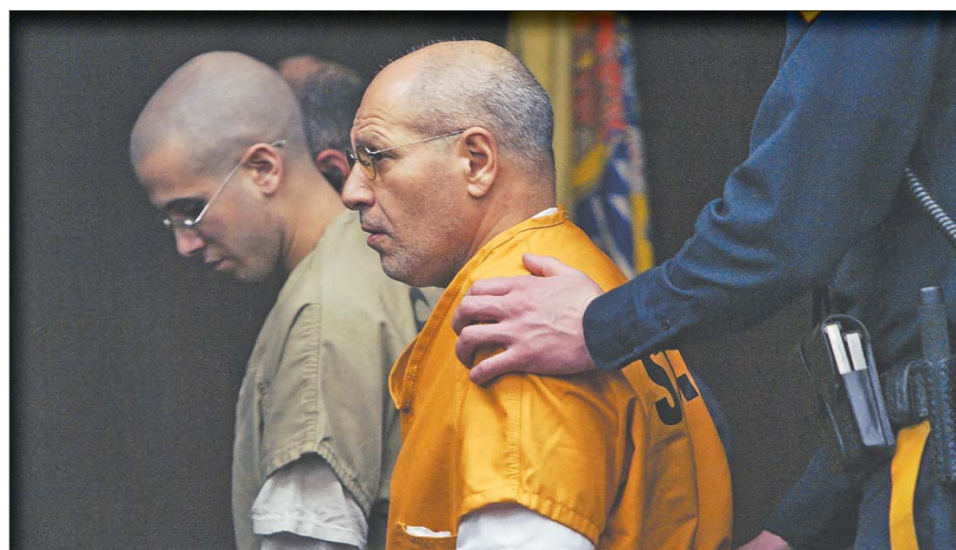
Адвокат обвиняемого заявил, что его клиент — никакой не босс мафии, а смирный обыватель, вот уже 34 года живет в одном и том же доме и в конфликт с законом вступал единственный раз 27 лет назад, когда отказался дать показания большому жури по аналогичному делу. Но обвинение заявило, что располагает уличающей аудиозаписью и что арестованный представляет несомненную общественную опасность, а потому о его освобождении из-под стражи под залог

не может быть и речи. Судья согласился с прокурором. Дэнни Лео остался в тюрьме.

Арест Дэнни в очередной раз напомнил публике о существовании мафии. Она уже не та, что прежде, — лишилась романтического ореола, которым когда-то украсили ее беллетрист Марио Пьюзо и кинорежиссер Фрэнсис Форд Коппола. Правоохранительные органы наносят по ней один удар за другим. Тем не менее, говорить о том, что с мафией покончено, пока рано. Самой могучей мафиозной семьей на сегодняшний день считается как раз семья Дженовезе.

Маленькие цезари

Сами итальянские преступные кланы мафией себя никогда не называли. Лексикографы даже не пришли к единому мнению о том, откуда взялось это слово. По одной версии, оно происходит от аббревиатуры *M. A. F. I. A.* — сокращения от фразы *Morte Alla Francia, Italia Anela* («Смерть Франции, вздохни, Италия»). Таким был лозунг Сицилийской вечерни — восстания против правившей островом французской Анжуйской династии в 1282 году. Другой вариант — арабское слово *mafiyas*, означающее «спесь», «хвастовство» (арабы владели Сицилией в VI-XI веках). В своем нынешнем значении термин впервые был

AP

Весна 2007 года оказалась несчастливой для семьи Дженовезе: в марте был арестован не только ее глава Дэнни Лео, но и Майкл Коппола (на фото) — один из лидеров клана, улизнувший в 1996 году

употреблен в 1865 году: префект Палермо маркиз Филиппо Антонио Гвалтерио докладывал в столицу: «Так называемая мафия, то есть преступные сообщества, стала смелее».

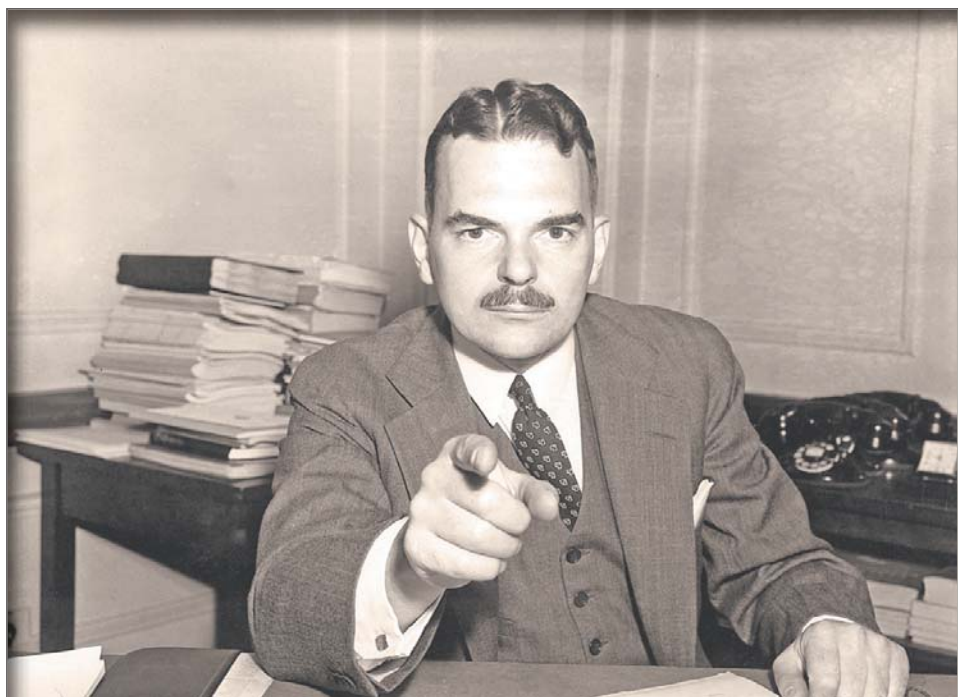
Сами мафиози называют свою организацию *Cosa Nostra*, что значит «Наше дело». В популярной литературе часто можно встретить утверждение, что история сицилийской мафии берет начало не то в XIII-м, не то в XV веке, когда Сицилией правили испанские короли и было создано тайное общество для защиты крестьян от алчных испанцев — что-то вроде шайки Робин Гуда. Научных подтверждений эта версия не имеет. Однако доподлинно известно, что мелкие банды появились на Сицилии в 1848 году, во время революции, когда на острове царил хаос, и никакой особо благородной деятельностью не отличились.

В Новом Свете мафиози появились в конце XIX века, когда началась массовая итальянская иммиграция в США. В Америке перед ними открылось поле неисчерпаемых возможностей. Однако итальянцам пришлось столкнуться с конкуренцией — на Восточном побережье хватало своих бандитов, прежде всего ирландцев.

Что такое ирландские преступные сообщества, выразительно показано в картине Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка». Жестокости и смелости ирландцам было не занимать, но они уступили сицилийцам в коварстве: дрались с открытым забралом, а их убивали из-за угла.

В преступном мире Нью-Йорка в то время верх взяла шайка Игнацио Лупо по прозвищу «Волк». Его «волчата» впервые применили в бандитском обиходе такие экзотические тогда виды оружия, как стилет и взрывчатка, а кроме того, они пользовались мистической славой: их противники свято верили, что итальянцы умеют насыщать порчу и применять другие колдовские приемы. Беспощадность, с какой итальянцы расправлялись со своими врагами и заподозренными в предательстве подельниками, наводила ужас на нью-йоркских гангстеров. Тогда же в арсенале бандитов появились пытки.

Итальянская мафия в Америке никогда не стала бы тем, чем она стала, если бы в 1919 году Конгресс не сделал преступному миру неоценимый подарок, приняв 18-ю поправку к Конституции, ▶

► то есть сухой закон. Запрет на изготовление и продажу алкоголя стал золотым дном для американской оргпреступности. Пить в годы сухого закона стали не меньше, а больше. Потребности алчущих американцев удовлетворялись за счет контрабанды из Мексики и Канады. Криминальные группировки поставили дело на широкую ногу. Много позднее выяснилось, что сухой закон стал источником благосостояния семейства Кеннеди: партии контрабандного канадского виски доставлялись морем в поместье Джозефа Кеннеди на мысе Код.

Боссы крупнейших шаек разделили сферы влияния. В Чикаго, порешив конкурентов, алкогольный бизнес контролировал Аль Капоне. В Нью-Йорке монополистом стала группировка во главе с Чарли Лючано, партнерами которого были мягкий и интеллигентный Карло Гамбино, хладнокровный киллер Вито Дженовезе и Фрэнк Костелло, прозванный «Премьер-министр» за непревзойденное умение договариваться с чиновниками и полицией. Мозгом предприятия был уроженец Гродно Мейер Лански (Меир Суховлянский).

Однако при всей своей смекалке и отлично налаженном деле Лючано был слишком молод и неопытен, чтобы бро-

На фото сверху: федеральный окружной прокурор Томас Дьюи, в 1936 году сумевший упечь за решетку Чарли Лючано (на нижнем фото с двумя полисменами).

Справа сверху: Фрэнк Костелло дает показания в комиссии Сената.

На фото под ним: три главаря американской мафии – Вито Дженовезе, Чарли Лючано и Джозеф Профачи.

На нижнем фото: еще один мафиозо, Кармине Галанте, был убит в Нью-Йорке в 1979 году

силь вызов главному боссу Нью-Йорка Джузеппе Массерия. Но тут подоспела подмога с Сицилии.

В 1927 году главарь сицилийской мафии Вито Кассио Ферро направил в Америку своего эmissара Сальваторе Маранзано с заданием привести к повиновению нью-йоркские банды. Посланец блестяще справился со своей задачей, за что и заслужил прозвище «Маленький Цезарь». Джузеппе Массерия оказал отчаянное сопротивление пришельцу. Три года, с 1928-го по 1931-й, в Нью-Йорке и других городах Америки шла кровавая битва итальянских банд. В этой войне Чарли Лючано и заслужил свое прозвище Lucky – «Счастливчик». В 1931 году, желая во что бы то ни стало переманить его на свою сторону, Маранзано со своими мясниками устроил ему полный курс сицилийских пыток, а в довершение самолично распорол до кости правую щеку; бездыханный труп выбросили на дорогу.

Однако Чарли чудом выжил. Вскоре он осознал, что его босс безнадежно проигрывает войну и счел за благо переметнуться. В апреле 1931 года Счастливчик Лючано идеально организовал убийство Джузеппе Массерия.

Одержав победу, Маранзано пригласил на сходку в Нью-Йорк главарей мафиози всей страны для обсуждения назревших проблем. На этом собрании Маранзано объявил себя capo di tutti capi – боссом боссов. Именно с этого момента берет начало пятидесятилетняя структура нью-йоркской мафии, ее «штатное расписание» и кодекс поведения, включающий обет молчания – omerta, нарушить который мафиози не решались в самых отчаянных обстоятельствах.

Маленький Цезарь пережил своего соперника не намного. Счастливчик Лючано не простил ему истязаний, от которых у него на всю жизнь остался шрам через все лицо, а правый глаз смотрел со зло-

вещим прищуром. Между убийствами Массерия и Маранзано не прошло и полугода. Вместе с Маранзано на тот свет отправилось, часто после изощренных пыток, около сорока его приспешников. Резня продолжалась несколько дней. Именно она первоначально получила название «Ночь длинных ножей».

Со старой гвардией было покончено. Победитель отказался от звания босса боссов. По здравом размышлении он решил, что структура, введенная покойником, должна остаться, верховное же руководство будет осуществлять коллегиальный орган – Комиссия.

Капо должен быть один

В феврале 1933 года Конгресс США принял 21-ю поправку – сухой закон утратил силу. Лючано к этому оказался готов. Новой золотой жилой нью-йоркской мафии стал игорный бизнес. Чарли стал первым главарем бандитов, который не таился по углам, а жил на широкую ногу. Он жил в роскошном отеле Waldorf Towers, бонвиванствовал и ловеласничал, сорил деньгами, одевался у лучших портных и обедал в лучших ресторанах, по вечерам отправлялся в театр или на бокс, а по ночам вершил дела.

Вито Дженовезе (на фото сверху), осужденный на 15 лет тюрьмы, продолжал править семьей и отдавать приказы об убийствах даже из-за решетки

■ ДОН ВИТО: КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Когда Фрэнк Костелло привел в семью очередного еврея, Вито Дженовезе возмутился: по его мнению, шайка должна была оставаться чисто итальянской. Костелло осадил его словами «сам ты паршивый иностранец». Для мафиози старого закала иностранцем был любой несицилиец. Костелло был выходцем из Калабрии. Дженовезе родился в Неаполе.

Семья Дженовезе переселилась за океан в 1912 году, когда Вито было 16 лет. Отец открыл небольшое строительное дело, но сыну такой бизнес не улыбался. В 1917 году он был впервые арестован за ношение огнестрельного оружия и провел за решеткой два месяца. Он вообще по молодости довольно часто попадался, но всякий раз не хватало улики – пока улики не подстроили его собственные «родственники». В годы сухого закона он познакомился с Чарли Лючано и вскоре стал его правой рукой. Дженовезе был одним из четырех убийц, прикончивших Джо Массерию. Убивал он и позднее. В 30-е годы Вито несказанно разбогател благодаря контролю над итальянской лотереей и купил на корню ночные клубы Гринвич-Виллидж. Всегда отличался дьявольской хитростью и изворотливостью. Джо Валачи называл его стилем «византийским».

Дженовезе стал первым ма-фиозо, который занялся наркобизнесом – для Лючано и Костелло это было исключено не по моральным соображениям, а из-за рискованности таких занятий. Скрывшись от американского правосудия в 1937 году в Италии, он достиг политических высот, сделавшись поставщиком кокаина для зятя Бенито Муссолини министра иностранных дел графа Чиано. По заказу дуче он велел своим подручным в Нью-Йорке убить оппозиционного итальянского журналиста. В 1944 году, сразу после высадки союзников, он предстал перед ними совсем в ином качестве – Дженовезе работал переводчиком американских войск и помогал разоблачать дельцов черного рынка до тех пор, пока американцы не разоблачили как одного из таких дельцов его самого.

Добившись отречения Костелло, дон Вито вознамерился объявить себя, наконец, боссом боссов и созвал для этой цели так называемую Апалачскую конференцию. Но Костелло, Лючано, Лански и Гамбино приняли иное решение. Когда все боссы были в сборе, в помещение нагрянула по наводке заговорщиков полиция. Дженовезе был осужден на 15 лет тюрьмы. Он продолжал править семьей и отдавать приказы об убийствах из-за решетки, пока не умер от сердечного приступа в 1969 году.

Тем временем возмездие приближалось. В Нью-Йорке появился новый федеральный окружной прокурор Томас Дьюи. Он понимал, что доказать в суде весь объем преступлений, в которых замешан Лючано, не удастся, но это и не требуется – чтобы надолго уцепить его за решетку, хватит и малой их части. Дьюи решил посадить Лючано, который контролировал рынок сексуальных услуг в Нью-Йорке, за сутенерство.

Ему удалось найти достаточное количество свидетельниц, которым не улыбалось отправляться за решетку вместо босса. Счастливчик Лючано так и не отвертелся. Верховный суд штата Нью-Йорк приговорил его к 50 годам тюрьмы с правом на условно-досрочное освобождение по отбытии 30 лет.

Существует несколько легенд о сотрудничестве мафии и американских спецслужб в годы Второй мировой войны. Одна из них гласит, что криминальный синдикат получил чуть ли не официальный казенный подряд на обеспечение безопасности нью-йоркского порта. Немские субмарины часто атаковали суда на подходе к нью-йоркской гавани или при выходе из нее. Разведка Военно-морских сил подозревала, что в порту действует вражеская агентура, и будто бы пришла к выводу, что никто лучше мафии, контролирующей профсоюз докеров и располагающей сетью собственных осведомителей, не справится с задачей. Патристически настроенные бандиты якобы согласились, однако поставили условием изменение меры пресечения Лючано. А дабы власти были сговорчивее, мафиози, по всем правилам рэкета, пустили ко дну пришвартованный в гавани французский пассажирский лайнер «Нормандия», переоборудованный для перевозки войск. Другой миф еще занятнее. Будто бы Чарли Лючано оказал союзникам неоценимые услуги непосредственно перед высадкой на Сицилию и сразу после нее, связавшись с местной братвой и обеспечив войскам радушный прием населения.

Так или иначе, в 1946 году Чарли был депортирован в Италию, где правосудие особых проблем ему уже не доставляло. В 1959 году Чарли Лючано, доживавший

свой век в Неаполе на пенсию, назначенную ему нью-йоркской братвой, задумал сделать кино про себя и вступил в переговоры с независимым продюсером. Тогдашний босс семьи Томми Эболи специально слетал в Италию, дабы объяснить Чарли, что его бывшие коллеги не в восторге от творческого замысла. Тогда Лючано и продюсер договорились написать книгу, причем нью-йоркские «родственники» настояли на 10-летнем моратории на публикацию. В течение 10 месяцев Счастливчик рассказывал продюсеру свою автобиографию. В январе 1962 года он поехал в аэропорт встречать продюсера и скончался от сердечного приступа при получении багажа.

Томас Дьюи дважды, в 1944-м и 1948 годах, был кандидатом в президенты от республиканцев, однако оба раза проиграл – соответственно Рузвельту и Труману.

Империя Лючано унаследовал «Премьер-министр» Фрэнк Костелло. Его стилем были отказ от междоусобиц и решение всех спорных вопросов путем переговоров. Благодаря своим дипломатическим талантам он удержался на позиции босса семьи в течение 21 года.

Его конкурент Вито Дженовезе, считавший, что место босса по праву принадлежит ему, в 1937 году скрылся от правосудия в Италии, однако в августе 1944 года он был арестован в Неаполе по обвинению в операциях на черном рынке. Следователь американской оккупационной администрации Оранж Дикки добился депортации Вито Дженовезе в США. Семья предприняла titanic усилия, дабы не допустить этого. На армейское командование было оказано давление высокопоставленными должностными лицами. Самому Дикки предлагалась взятка размером в 10-летний оклад, но он остался тверд. Но неподкупный детектив напрасно строил радужные планы. Главный свидетель обвинения неожиданно скончался, приняв яд вместо лекарства. Патентованный бандит был освобожден из-под стражи в судебном заседании и вернулся к своим бандитским занятиям.

Он стал вторым после Костелло человеком в семье. Но мечта о титуле capo di tutti capi не давала ему покоя.

Поцелуй Вито

В 1951 году Америка впервые узнала о существовании мафии. Сенат учредил специальную комиссию по расследованию организованной преступности во главе с Эстесом Кефвером. Ее главным свидетелем стал не кто иной, как Фрэнк Костелло. По условию, которым он обставил свое согласие говорить, телекамеры не показывали его лицо, но «балет рук», оказался, возможно, выразительнее его мимики, а его интонациями, говорят,

вдохновлялся Марлон Брандо при работе над ролью дона Корлеоне. Костелло отвечал на вопросы членов комиссии в течение девяти дней.

Костелло в итоге уцепился за решетку за уклонение от уплаты налогов. В апреле 1957 года благодаря блестящей работе адвоката он вышел на свободу под залог вплоть до решения апелляционного суда. Этого Вито Дженовезе, уже потиравший руки в предвкушении безраздельной власти, вынести не мог. Убийца выстрелил точно, но вздумал, по извечной склонности бандитов к мелодраматическим эффектам, окликнуть жертву. Костелло обернулся, и пуля лишь слегка задела его голову. Тем не менее, он решил не искушать судьбу и мирно, за столом переговоров, сложил полномочия.

На старости лет Костелло (дело было в феврале 1973-го, Фрэнку стукнуло 82 года) решил надиктовать свои мемуары известному журналисту Питеру Маасу. Из этой затеи ничего не вышло. На 10-й день диктовки мемуарист приказал долго жить ровно с тем же диагнозом, что и Чарли Лючано.

Дженовезе недолго наслаждался своим новым положением. Уже в апреле 1959 года он был признан виновным в контрабанде наркотиков и приговорен к 15 годам тюрьмы. Он продолжал руководить семьей из камеры. Однажды вечером он объяснил сокамерникам, что одно червивое яблоко в корзине может испортить все остальные. С этими словами он, как Иисус Иуду, поцеловал одного из внимавших ему слушателей. Эпизод этот вошел в анналы под названием «поцелуй мафии». Подвергшийся неожиданному лобзанию Джо Валачи смертельно перепугался. Вскоре на прогулке нервы его не выдержали: ему показалось, что один из эзков намеревается исполнить молчаливый приказ босса и, напав первым, он убил его. Понимая, что иного выхода у него нет, Валачи заявил, что желает дать показания. В сентябре 1963 года Джо Валачи выступил перед сенатским комитетом. Он стал

Родословная семьи Дженовезе

Джо Массерия Сер.20-х–1931
(Кастельмарезские войны: 1928–1931)
Сальваторе Маранзано 1931
Чарли Лючано 1931–1946
Фрэнк Костелло 1946–1957
Вито Дженовезе 1957–1959
Томми Эболи, Джерри Катена, Майк Миранда 1959–1972
Фрэнк Тьерри 1972–1981
Филип Ломбардо 1981
Тони Салерно 1971–1987
Винсент Джиганте 1987–2004
(Исполняющий обязанности босса на свободе – **Доминик Кирильо**)
Дэнни Лео

Семья: «штатное расписание»

Capo di tutti capi – босс боссов
Consigliere – советник
Capo Bastone – заместитель босса
Contabile – советник по финансовым вопросам
Caporegime или Capodecima – командир
Sgarista – солдат
Picciotto – младший солдат
Giovane d'Onore – кандидат в члены мафии, партнер, нерегулярный член

первым мафиозо, нарушившим заговор молчания. Именно от него американцы впервые узнали подробное устройство мафии, ее законы, он же назвал пять нью-йоркских семей, обозначив их именами тогдашних боссов, под которыми они и вошли в историю: Лючезе, Гамбино, Бонанно, Дженовезе. Исключение составила пятая семья – в то время ее главарем был Джо Профачи, и лишь в 1960-е годы она получила свое название по имени нового босса Джо Коломбо.

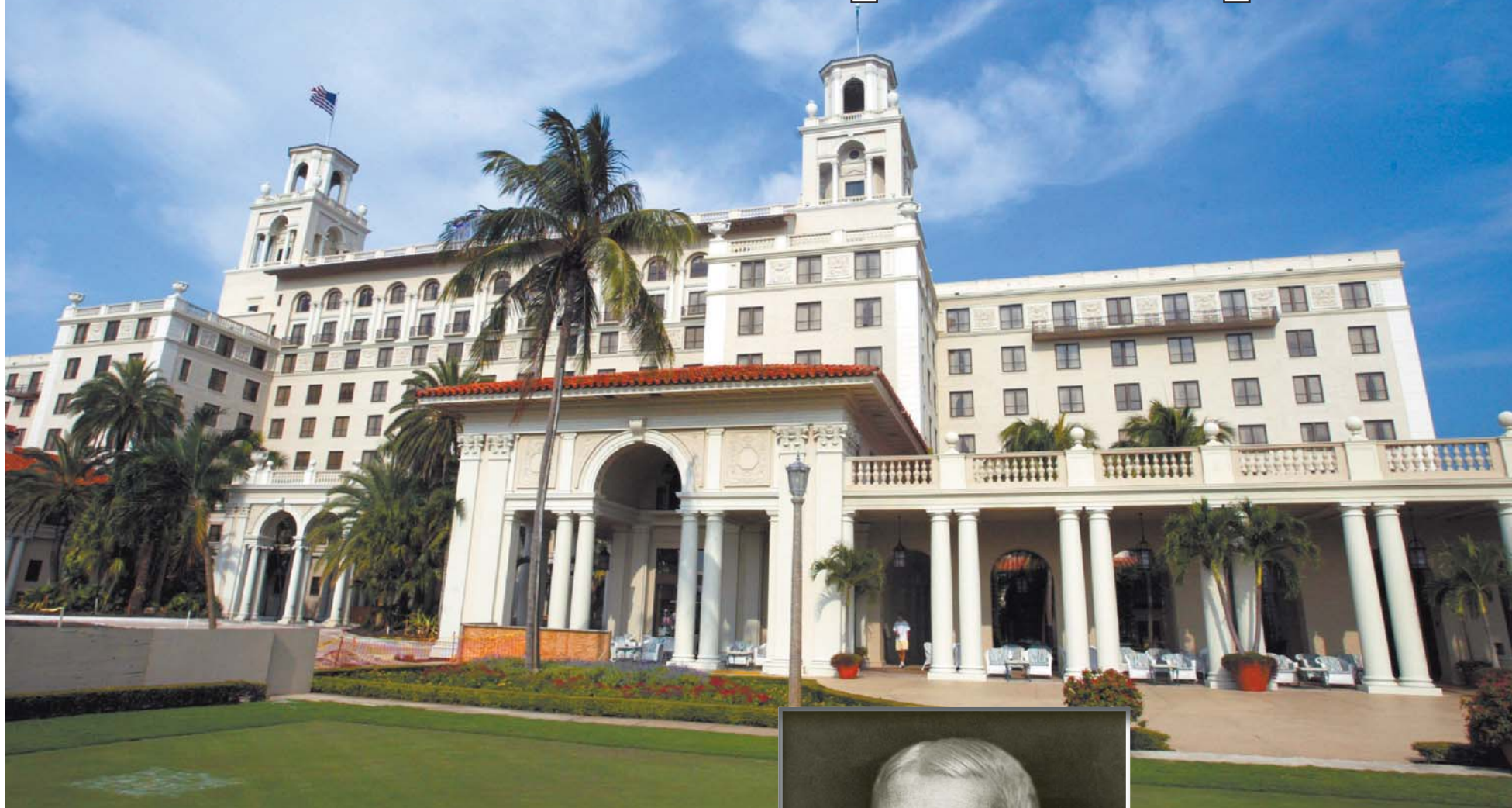
После его разоблачений власти осознали простую вещь: свидетели молчат, потому что боятся. В 1971 году вступила в действие федеральная программа защиты свидетелей. Свидетель, имеющий основания опасаться мести криминального сообщества, получает возможность сменить имя, местожительство и работу. С тех пор показания против преступных группировок дали более семи тысяч человек.

Лавры непримиримого борца с мафией стяжал бывший мэр Нью-Йорка, а ныне кандидат в президенты Руди Джулиани. Сегодня мы знаем, что среди предков Джулиани были и полицейские, и воры, а его отец-водопроводчик отмотал срок за участие в ограблении банка. Сын пошел по юридической части. В бытность федеральным окружным прокурором он посадил на скамью подсудимых боссов трех кланов: Тони Салерно (семья Дженовезе), Кармине Персико (семья Коломбо) и Тони Коралло (семья Лючезе). Каждый из них получил по 100 лет тюрьмы. В 1992 году к пожизненному заключению приговорен босс семьи Гамбино Джон Готти. Унаследовавший власть после Вито Дженовезе Винсент Джиганте – тот самый промахнувшийся в Костелло киллер – тоже угодил в тюрьму в 1997-м и три года назад умер за решеткой. После него бразды правления и взял в свои руки Дэнни Лео.

Он поднялся в бандитской иерархии благодаря своей «работе» по сбыту наркотиков. ФБР долго не могло к нему подобраться: он был крайне осторожен, вел уединенный образ жизни и не выходил из тени. Но за последние годы семья Дженовезе понесла тяжелые потери; арестованные нередко вступают в сделку со следствием и дают признательные показания в обмен на более мягкий приговор. Кроме того, в семье до недавних пор работал инфильтрованный агент. В конце концов, Дэнни обложили, как волка флажками. И он угодил в капкан.

Свято место пусто не бывает. Кто возглавит семью Дженовезе теперь? Один из кандидатов – 65-летний Тино Фьюмара, два года назад отсидевший свой срок в федеральной тюрьме. Но есть вожаки и помоложе. Война с мафией продолжает-ся.

Под сенью «Брейкерса»

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ САМОГО ЗНАМЕНИТОГО ОТЕЛЯ ФЛОРИДЫ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

Конкистадор и участник первой экспедиции Колумба Хуан Понсе де Леон не собирался открывать новые земли – он открыл и завоевал их уже предостаточно. В 1513 году на собственные деньги он снарядил два корабля и отправился с Кубы на север, на поиски мифического Источника молодости, о котором слышал от индейцев. Неизвестная суша, которой вскоре достигла экспедиция, изумила де Леона обилием тропической растительности, и нарек он ее la tierra florida – «цветущая земля».

Вернувшись туда восемь лет спустя с королевской грамотой на губернаторство и отрядом в двести человек, де Леон был сражен отравленной индейской стрелой. «Прибыв на Кубу, – повествует летописец Вест-Индии Бартоломе де Лас Касас, – он в муках скончался; так утратил он жизнь, потерял немало золотых песо, которые накопил, омрачив или загубив жизнь множества индейцев; при этом и сам он претерпел великие тяготы, совершая плавание в Кастилию и обратно, открывая Флориду, а потом порабощая ее; что же сталося с его душою, того мы не ведаем».

Он вкусил блаженство из вод вечности – именно так закончил свою поэму о де Леоне Генрих Гейне, а на русский перевел ее Николай Гумилев:

*Летой та река зовется,
Пей оттуда, и забудешь ты
Всю печаль — забудешь ты
Все прошедшие страдания.*

У Флориды бурная история. Она перешла из рук в руки. Ею владели испанцы, французы, англичане... В известном смысле де Леон нашел свой живительный источник: полуостров стал великолепным курортом, всеамериканской здравницей, возвращающей людям силы и красоту. Но произошло это через четыре столетия после смерти первооткрывателя.

В шортах вместо камзола

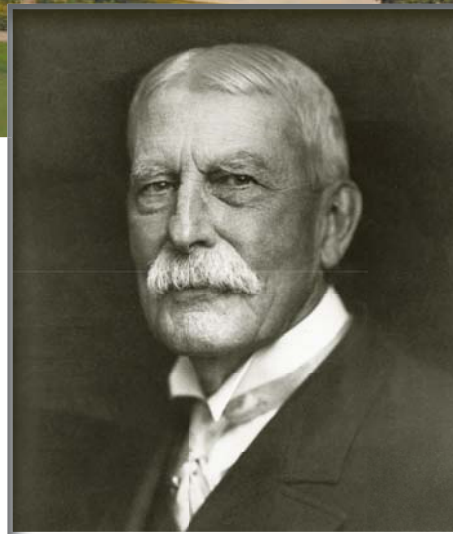
Вероятно, далеко не всякий побывавший в Палм-Бич заметил, что город этот расположен на узком песчаном острове, отделенном от материка лагуной, называемой озером Уорт. «Доступен только для самых богатых людей страны, – строго предупреждает справочник «Америка-на». – Застроен дорогими частными виллами с частными пляжами и пальмовыми рощами, посаженными в конце XIX века». Курортный сезон Палм-Бич – зима. В это время сюда действительно съезжаются богачи. Для людей с умеренными доходами Палм-Бич доступен летом, когда номера в отелях сдаются с большими скидками.

Когда подъезжаешь к отелю «Брейкерс» на такси по широкой пальмовой аллее, понимаешь, что перед тобой нечто очень феешенбельное, но оценить этот шедевр в полной мере возможно лишь изнутри. Сначала мне показалось, что главное здание с двумя симметричными ступенчатыми башнями выстроено в испанском колониальном стиле. Но, очутившись под высокими сводами вестибюля, я тотчас понял, что оказался в итальянском палаццо.

В первый свой вечер в «Брейкерсе» я долго бродил в одиночестве по просторным коридорам и залам, любовался позолоченной лепниной и росписью потолков, громадными старинными фламандскими гобеленами, люстрами венецианского стекла, искусной резьбой по дереву и камню, и было мне неловко оттого, что я в шортах и бейсболке, а не в бархатном камзоле и пудреном парике.

В промежутках между пляжными, банными и ресторанными удовольствиями я открывал все новые сокровища этого дома: утреннюю прелесть пробуждающего сада, веселую перебранку зеленых попугаев по вечерам, укромный шелест струй, изливающихся из чугунных львиных морд фонтана...

В одном из уединенных холлов обнаружился на стене портрет в золоченой раме: худощавый мужчина с седыми усами в

Генри Моррисон Флаглер, основатель курортного бизнеса Флориды

жестком стоячем воротничке по моде начала прошлого века взирал с полотна строго, даже сурово. Табличка гласила, что это Генри Моррисон Флаглер, первый хозяин «Брейкерса» и отец курортного бизнеса Флориды. Я понял, что хочу узнать о нем больше.

В назначенный час записавшихся на экскурсию курортников в легкомысленных майках и шлепанцах на босу ногу встретил пожилой, полный скромного достоинства джентльмен, одетый по всей форме – в пиджак, галстук и туфли. Это был Джеймс Понс, историк-любитель, неисчерпаемый кладезь сведений о «Брейкерсе» и Флаглере. Позже я узнал, что ему 93 года.

После экскурсии я представился и сказал, что хотел бы побеседовать с ним по телефону позже, когда подготовлюсь к разговору. Он дал мне свою карточку. Я позвонил ему из Вашингтона.

Жизнь и бизнес Генри Флаглера

Начали мы с биографии Генри Флаглера. Он родился в 1830 году в маленьком городке Хоупвелл в штате Нью-Йорк в семье бедного пресвитерианского пастора. Образование получил скромное.

– Он окончил всего восемь классов и покинул отчий дом в возрасте 14 лет, чтобы найти свое место в мире, – говорит Джеймс Понс. Он выражается несколько старомодно-высокопарно.

Его первым местом работы была мастерская по изготовлению конской упряжи,

которой владел его сводный брат. Генри трудился там подмастерьем за пять долларов в месяц плюс кров и пропитание. Постепенно он выбился в люди и стал зарабатывать 400 долларов в месяц. Смекалка и деловая хватка позволили Флаглеру в 1849 году на паях с другим родственником создать собственное дело – солеваренную компанию. Во время Гражданской войны спрос на соль был высоким: она требовалась для снабжения войск, в том числе в качестве консерванта съестных припасов. К концу войны спрос упал, и компания обанкротилась. Флаглер потерял не только 50 тысяч собственного капитала, но и остался столько же должен тестю.

Флаглер занялся торговлей зерном и на этой ниве познакомился с Джоном Рокфеллером. В середине 1860-х годов Рокфеллер с его деловым нюхом сменил сферу деятельности – он переключился с зерна на нефть. Генри Флаглер стал его партнером. Так возникла компания Standard Oil.

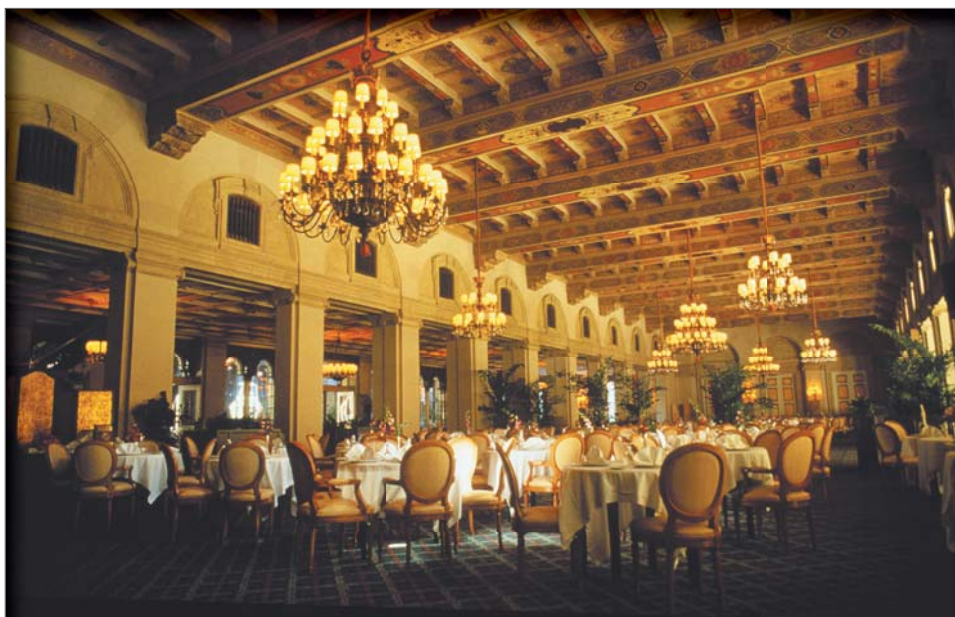
Интуиция не подвела Рокфеллера.

– Флаглер стал одним из самых богатых людей на свете, – рассказывает Понс. – Начал он на пустом месте, но была ему удача. Компания Standard Oil пользовалась почти полной монополией на нефтяном рынке. Ему там было уже нечего делать. Его характер требовал новой сложной задачи, и он нашел ее.

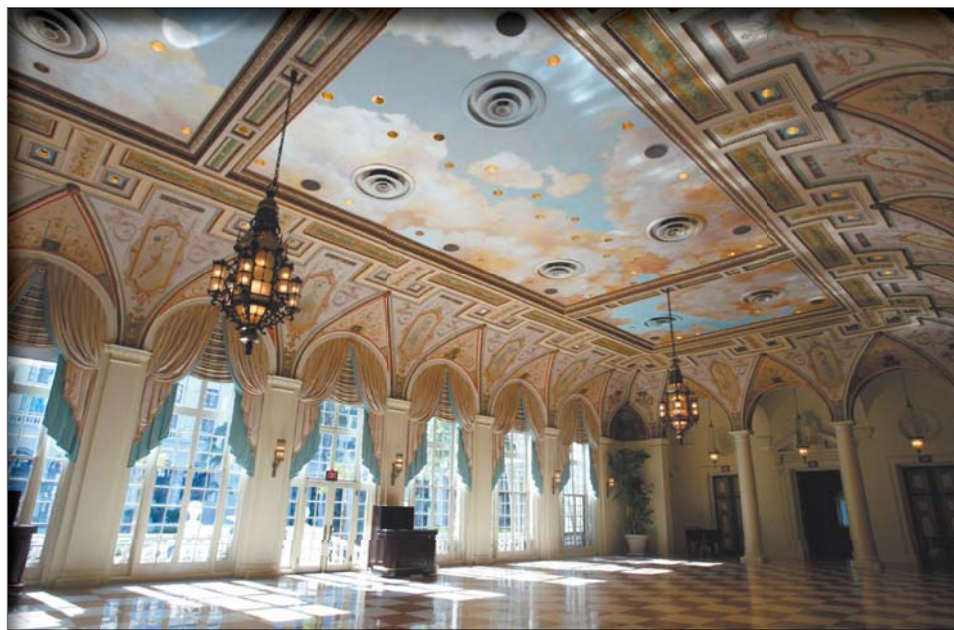
Новое поприще открылось перед Флаглером благодаря печальным обстоятельствам личной жизни.

– Его первая жена Мэри заболела туберкулезом, что было обычным явлением в то время. Тогда люди, больные туберкулезом, приезжали в города северной Флориды – Джексонвилль, Сент-Огастин – зимой. Это было нечто вроде сезонного санатория для туберкулезников. И доктора рекомендовали ему привезти жену во Флориду.

Флаглеры впервые приехали в Джексонвилль зимой 1876 года. Два года спустя Мэри умерла. Второй женой Флаглера стала ее сиделка Ида. Молодожены провели медовый месяц в самом старом городе Флориды, Сент-Огастине. Флаглер влюбился в старинный город, но увидел, что вокруг непочатый край работы. Он задумал превратить Флориду в перво-классный курорт. Начинать нужно было с транспорта.

EAST NEWS/IMAGE FORUM

FOTOBANK/GETTY IMAGES

Вверху: в банкетном зале знаменитости нередко празднуют свадьбы и юбилеи. Справа: экскурсию ведет Джеймс Понс, историк-любитель. Судьба Джеймса Понса неразрывно связана с «Брейкерсом». Становление курортного бизнеса Флориды шло на его глазах

– В те далекие годы, доехав до конца железной дороги, принадлежащей одной компании, вы должны были пересаживаться в поезд другой компании – колея на флоридских дорогах была разной ширины. Его идея заключалась в том, чтобы объединить все дороги.

Флаглер остался в совете директоров Standard Oil, но отошел от повседневного участия в делах компании и полностью переключился на проект «американской Ривьеры». Он скупил мелкие железнодорожные компании, унифицировал колею, построил недостающие отрезки и мосты и соединил их в единую магистраль, проходящую вдоль всего восточного берега Флориды с севера на юг, от Джексонвилля до Майами.

– Теперь поезд пульмановских вагонов, отправившись из Нью-Йорка, мог беспрепятственно проехать по всей Флориде. Пульман довозил вас буквально до вестибюля гостиницы.

Параллельно он строил отели, каких еще не знала Америка. Громкий успех имел открытый в Сент-Огастине отель «Алькасар», построенный в стиле испанского Ренессанса.

– В «Алькасаре» был огромный плавательный бассейн – по тем временам сложное инженерное сооружение. В нем были также сауна, комната для занятий физическими упражнениями – многое, чего тогда не принято было устраивать в отелях.

Сегодня нам кажется, что первоклассные отели были такими всегда. Но кто-то должен был придумать все это. Одним из таких придумщиков и был Генри Флаглер.

– Второй отель, который он построил в Сент-Огастине, стал первым американским курортом с полным набором магазинов. Аркада бутиков прямо в отеле – это тоже изобретение Флаглера. Кроме того, во всех его отелях был балый зал для развлечения гостей. То, что он создал здесь, во Флориде, далеко превосходило все, что имелося в то время в стране.

Вершиной деятельности Флаглера стал «Брейкерс». Этот отель возводился трижды: в 1904 году сгорело первое деревянное здание, построенное в 1896-м; в 1925-м от электрических щипцов для завивки волос случился новый пожар, спаливший здание дотла. Но, как говорит полковник Скалозуб о Москве, «пожар способствовал ей много к украшению». С «Брейкерсом» произошло именно это.

Эра джаза и отелей

На самом деле гостиничный бизнес в том виде, в каком мы его знаем, вплоть до конца XIX века вообще не существовал. Денис Фонвизин и его жена, путешествовавшие по Европе в последней четверти XVIII столетия, то и дело ночуют в собственной карете за неимением лучшего ночлега. Лоуренс Стерн в последней главе «Сентиментального путешествия» рассказывает о

ФОТО АВТОРА

том, как на постоялом дворе где-то между Савойей и Туринем к нему подсадили на ночь даму со служанкой. О русских гостиницах с их «конным войском», то есть клопами и блохами, немало язвительных строк оставил Гоголь.

Новую главу в истории гостиничного дела открыла Америка. 1920-е годы в Америке – «эра джаза» – были временем бурного экономического роста. Гостиничный бизнес стал одной из самых доходных отраслей. Вместо «семейного подряда» в него пришел большой капитал, появились сети гостиниц одной фирмы. К концу десятилетия отельный бизнес стал седьмой отраслью американской экономики по числу занятых в нем работников и вложенным средствам.

Возникла совершенно новая концепция отеля. Если прежде отель был сравнительно убогим пристанищем, где приезжий мог кое-как переночевать, в лучшем случае с одной ванной с проточной водой на этаже и телефоном-автоматом в лобби, то теперь лучшие отели превратились в настоящие дворцы с полным комплексом услуг по высшему разряду. Постояльцу можно было вообще не выходить из отеля ни за какой повседневной нуждой. Отель стал фешенебельным местом, средоточием жизни большого города. В лучших отелях были лучшие рестораны. В отелях назначались деловые и любовные свидания. В их банкетных залах устраивались свадьбы и юбилеи, корпорации проводили в отелях собрания своих акционеров. В конце концов, богатые люди стали попросту жить в отелях круглый год, превратив роскошный номер в квартиру.

В те годы взойшла звезда архитекторов Леонарда Шульце и Фуллerton Вивера – создателей таких всемирно известных отелей, как «Уолдорф-Астория» и «Пьер» в Нью-Йорке и «Билтмор» в Лос-Анджелесе. В Америке они считаются классиками отельной архитектуры, умевшими найти оптимальное сочетание роскоши с прибыльностью. Их отели стали технологическим чудом того времени: электрические холодильники, кухни и прачечные, оборудованные по последнему слову тогдашней

техники, лифты, ванна и телефон в каждом номере.

Фирме Schultze & Weaver Флаглер и заказал проект нового «Брейкерса».

В американской архитектуре господствовал тогда стиль «боз-ар» – beaux-arts, получивший свое название от создавшей его Парижской школы изящных искусств (école nationale supérieure des Beaux-Arts). «Боз-ар» пришел на смену псевдоренессансово-модерну XIX века: неоготике, неорусскому стилю. Эклектичный «боз-ар» сочетал в себе элементы итальянского Ренессанса и французского барокко. В Париже его шедеврами стали Опера Гарнье, вокзал д'Орсе, дворец Трокадеро, в Нью-Йорке – вокзал Гранд-Сентрал, Нью-Йоркская публичная библиотека и, конечно, отели. В Нью-Йорке, кстати, всего два отеля, объявленных национальными историческими памятниками – «Плаза» и «Уолдорф-Астория».

Шульце и Вивер были прекрасными компиляторами с безукоризненным вкусом. Для нового «Брейкерса» они заимствовали элементы средиземноморской архитектуры, прежде всего эпохи итальянского Возрождения. Изданная в 1904 году книга Эдит Уортон «Итальянские виллы и их сады», снабженная цветными рисунками, стала библией американских архитекторов. Главный корпус «Брейкерса» создан «по мотивам» виллы Медичи в Риме. Леонард Шульце впоследствии признавался, что впервые увидел изображение виллы в книге Уортон. Высокие сводчатые потолки главного вестибюля «Брейкерса» и их роспись заимствованы у генуэзского палаццо Каррега-Катаальди. Проектируя свой средиземноморский дворик, Шульце и Вивер вдохновлялись садом виллы Ланте в Витербо, созданием маньериста позднего Ренессанса Джакомо да Виньола. Главный фонтан, под легкий плеск которого так сладко пьется утренний кофе, скопирован с одного из фонтанов знаменитых флорентийских садов Боболи.

В этих архитектурных изысках чувствуется философия американских капиталистов того периода, который впоследствии получил название «прогрессивной эры». Они ощущали себя наследниками

великой европейской традиции, неоготиков Венецианской республики, покровителей искусств и собирателей сокровищ.

– Над этими потолками трудились 73 художника. Для такого замысла нельзя найти все в одном месте – надо собирать и предметы искусства, и людей, чтобы создать что-то таких масштабов.

Неудивительно, что гостями «Брейкерса» были самые выдающиеся люди своего времени.

– Президенты, звезды кино, главы крупнейших корпораций. В начальный период своего существования в отеле проводили зимний сезон Меллон, Астор, Дюпон – все громкие имена промышленности. Британская королева здесь никогда не бывала, но сюда приезжали ее сестра, оба ее сына и, конечно, невестка, принцесса Диана. На большие зимние балы, вроде бала в честь Общества Красного Креста, всегда приглашались десюток-полтора иностранных послов из Вашингтона, развлекать их приезжали звезды шоу-бизнеса, такие как Боб Хоуп. Так что эти стены видели много знаменитых людей.

Хранитель традиций

Генри Флаглер расстался со своей второй женой Идой после того, как у нее было диагностировано тяжелое и неизлечимое психическое заболевание. Она ударила себя в мистику и астрологию и вообразила себя возлюбленной русского царя. Флаглер выделил на ее содержание и уход за ней громадную по тем временам сумму – миллион долларов. Потребности несчастной Иды были столь незначительны, что к моменту ее кончины в 1930 году размер ее состояния за счет банковских процентов увеличился до 12 миллионов.

Третьей женой 71-летнего Флаглера стала 34-летняя Мэри Лили Кенан, дочь северокаролинского предпринимателя Уильяма Рэнда Кенана и сестра известного химика, открывателя ацетилена Уильяма Рэнда Кенана-младшего. Для совместной жизни с ней Флаглер построил беломраморный особняк Уайтхолл, где пара проводила каждую зиму. В январе 1913 года 83-летний Флаглер поскользнулся и упал на ступени мраморной лестницы собственного дома. Он сломал шейку бедра и в мае того же года скончался.

Судьба Джеймса Понса, которому уже 93 года, неразрывно связана с «Брейкерсом». Становление курортного бизнеса Флориды шло на его глазах.

– Ну а вы сами: когда ваша жизнь пересеклась с «Брейкерсом»?

– Я родился в Сент-Огастине. Именно там начинал свой отельный бизнес Флаглер, так что я вырос вместе с этим бизнесом. Воевал во Второй мировой и Корейской войне, потом демобилизовался и поступил на работу в «Брейкерс» и с тех пор работал там практически без перерывов.

– Какой была ваша первая и последняя должность в отеле?

– Начинать дежурным по гостинице, а на пенсию ушел заместителем управляющего.

Палм-Бич – Вашингтон

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

**НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ
РАБОТАЛИ:**

Александр КЛИЩЕНКО
Ирина ШМЕЛЁВА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:**

Александр БЕНЕНСОН
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Михаил ВЕЛЛЕР
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Эндрю ДЖЕННИНГС (Великобритания)
Михаил КАТЫШЕВ
Василий ЛИВАНОВ
Виктор ЛУПАН (Франция)
Михаил ЛЮБИМОВ
Филипп НАЙТЛИ (Великобритания)

Лариса РЕШЕТНИКОВА
Мартин Круз СМИТ (США)
Александр СТРУЕВ
Пако Игнасио ТАЙБО II (Мексика)
Эдуард ТОПОЛЬ

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д.17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89
**Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)**
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 13.01.2020 г.
Выход в свет 13.01.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.
Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов,
их использование в любой форме,
в т.ч. в электронных СМИ, возможна только
с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
**ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»**
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано в
АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 13 700 экз.
Заказ № 110